

ЛИВЕСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ.

1.БУРИ ИСТОРИИ И СУДЬБА ЛИВЕНСКОГО КРАЯ.

Город Ливны - районный центр Орловской области. Возникнув как пограничная крепость, этот древний город, известный с конца XII века, многократно горел, разрушался в ходе многочисленных войн и даже отстраивался на новом месте, разделяв драматическую судьбу многих "малых" городков и поселений нашей родины. Но, в отличие от исчезнувших и, зачастую, безвестных поселений, о существовании которых мы узнаем лишь из археологических раскопок, Ливны не только уцелели, но и сыграли заметную роль в истории России.

"Второе рождение" города произошло в 1586 году, когда по указу царя на слиянии рек Сосна и Ливенка был поставлен "малый острожек" сторожевой пограничной линии Усть-Ливны - крепость в системе других крепостей, расположенных в Черноземье на границе с Диким Полем (Засечная черта). В XVII веке вокруг крепости сложился посад, окруженный со временем рвом и валом, а затем и "большим острогом" с башнями.

К середине века, после ликвидации "степной угрозы" Ливны постепенно утрачивают свое значение как крепость и превращаются в обычный городок Центральной России, а к концу XVIII столетия становятся уездным центром.

XX век город встречает на достаточно высоком уровне промышленного и культурного развития, что было в значительной мере утрачено в ходе событий Второй Русской смуты и господства большевиков. Тогда в Ливнах насчитывалось 11 православных храмов, 383 каменных здания, отделения Орловского коммерческого банка и городской общественной банк, 2 гостиницы, 2 книжные лавки, общественная библиотека, 3 типографии, начальные школы, гимназии, духовное училище. Основу жизни города составляла промышленность: 2 салотопенных, 2 мыловаренных, 2 свечно-восковых, 4 крупорушных, 3 мукомольных, кожевенный, водочный, табачный, кирпичный и другие предприятия. По словам одного из жителей "заводов в городе больше, чем людей". Активно велась торговля.

До наших дней сохранилась только Свято-Сергиевская церковь постройки 1670 года, а город за советский период в значительной мере потерял свою красоту, что видно при сравнении его современных видов с фотографиями начала века. В годы II Мировой войны город подвергся ощутимым разрушениям. В этом отношении он разделил судьбу большинства российских городов, утративших многие свои достопримечательности за последние 80 лет нашей истории.

Известны Ливны и тем, что местное духовное училище окончил знаменитый русский философ Сергей Николаевич Булгаков, которому в Ливенском краеведческом музее посвящен отдельный зал. Ныне одна из улиц города и лицей, в котором раньше находилось духовное училище, носят имя отца Сергия, а перед старейшим храмом установлен скромный памятник знаменитому земляку.

2.НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ СМУТЫ. БОЛЬШЕВИЦКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ЛИВЕНСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА.

Данная тема рассмотрена в статье, помещенной в альманахе "Белая Гвардия" №6, позже эта статья с незначительными изменениями была перепечатана в альманахе Ливенского краеведческого музея "На берегах Быстрой Сосны" № 15. Но краеведение за истекший период не стояло на месте. Дополнительные исследования проводились ливенским краеведом Г. В. Рыжкиным, кроме того, в распоряжении автора данной книги оказались и другие источники информации, с которыми не было возможности ознакомиться ранее. Поэтому следует еще раз вернуться к этой теме и внести дополнения.

Император Николай Александрович подписал Манифест об отречении от престола 2 марта 1917 года. Вести о февральской революции пришли в Ливны, в которых тогда проживало около 20 тыс. жителей, несколько дней спустя, но в вопросе о точной дате краеведы не единодушны. С. П. Волков пишет, что "14 марта 1917 года до Ливен доходит весть о свержении самодержавия". Федор Ковалев утверждает: "Об этом в Ливнах узнали 6 марта".

Конечно, крайние социалистические партии (большевики, эсеры) сразу постарались взять ситуацию в уезде и городе под контроль. Этому способствовала общая нестабильность и неясность. Местные власти и население поначалу пребывали в растерянности, не зная как относиться к произошедшим в стране изменениям. О настроениях того времени свидетельствует рапорт ливенского уездного исправника Кандаурова в Орловское губернское жандармское управление от 6 марта 1917 года: "При первом известии о перемене правительства среди населения стало замечаться

враждебное отношение к чинам полиции... Стражникам нельзя было показаться на улице, их встречали насмешками и руганью... 4 марта в Ливны прибыли три нижних чина, бежавших из орловской слабосильной команды, напились пьяные и стали ходить по городу, агитируя за новое правительство... На следующий день по городу стали ходить манифестирующие. Подойдя к дому военного начальника господина Перекалина, они потребовали, чтобы тот вышел к ним, а когда им было отказано, они силой ворвались в дом, требуя его осмотра...

В толпе появился второй беглец, у него было ружье, и он стрелял в воздух. Его удалось арестовать..."

Социалистами на спиртоводочном заводе, фабриках, ж\д станции были организованы митинги и собрания, из тюрьмы были выпущены арестованные. Местные большевики постарались склонить на свою сторону солдат расквартированного в Ливнах 257-го запасного пехотного полка.

Однако попытки большевиков взять власть в городе и уезде в свои руки натолкнулись на организованное противодействие наконец-то пришедших в себя после кратковременного шока властей и представителей общественности, которые не желали разгула анархии. Был образован комитет безопасности, который поддержал идею созыва Учредительного собрания и Временное правительство. Возглавил его городской голова И. И. Красов, во главе управы стоял Л. Г. Заседателев, начальником городской милиции был назначен А. Н. Бернский. Для работы с населением был образован Временный общественный комитет во главе с князем В. В. Голицыным.

После этого ситуация заметно стабилизировалась. И хотя 13 апреля в Ливнах был образован Совет рабочих и крестьянских депутатов, он оказался в фактической изоляции и реальной властью не обладал.

Но борьба продолжается. Советы всячески накаляют обстановку, провоцируют погромы и самовольный захват земли. Всего в уезде было отмечено, на период 1917 года, 19 погромов помещичьих имений и 43 случая самовольного захвата земли. Местные законные власти препятствуют противоправным действиям. В сентябре 1917 года ливенский комиссар Временного правительства докладывает губернскому комиссару: "Ввиду тревожного настроения в уезде мною по согласованию с представителями общественных организаций признано крайне необходимым командирование в уезд пятидесяти конных солдат. Кроме того, командируйте 20 конных солдат в имение Заседателяева, где население воспрепятствовало производству обыска, несмотря на присутствие 10 посланных мною солдат". 29 сентября тот же комиссар доносит, что ввиду непрекращения волнений в уезде милиция не справляется, а пешие солдаты не надежны.

В Петрограде происходит октябрьский переворот. Большевики и их союзники по Советам активизируют свою деятельность. Для оказания помощи ливенским большевикам брянско-орловский комитет РСДРП (б) прислал 2-х своих представителей, которые дали указания о подготовке к вооруженному восстанию. Был разработан план захвата власти, создан Военно-революционный Совет (ВРС) из 4-х большевиков. Но их действия наталкивались на сопротивление законной власти и поддержавшей ее общественности. В городе проводились митинги, на которых принимались резолюции, осуждавшие вооруженное выступление большевиков в Петрограде.

Попытки Советов взять под полный контроль расквартированную в Ливнах воинскую часть также встретили противодействие со стороны офицеров. 8 декабря была спровоцирована перестрелка между пробольшевицки настроенными солдатами и офицерами полка. А солдаты, охранявшие имение помещика Литвинова, оказали сопротивление отряду Орловского Военно-революционного комитета (ВРК), прибывшему отобрать

оружие "у помещика". Как отмечал даже адепт коммуно-краеведения Федор Ковалев: "Но вплоть до конца декабря 1917 года власть в Ливнах оставалась еще в руках сторонников Временного правительства, опиравшихся на **карательный** (здесь и далее, выделено мной - К. Т.) отряд.

И только 7 января 1918 года солдаты-фронтовики (?), рабочие и беднейшие крестьяне под руководством большевиков и созданного ими Военно-революционного Совета захватили склады с оружием и с боем изгнали из города отряд карателей".

Ковалев, имеет в виду под "солдатами-фронтовиками", очевидно, дезертиров, нахлынувших в те дни в тыл и, как было указано выше, расквартированный в Ливнах 257-й **запасной** пехотный полк. Что же касается термина "каратели", которым Ковалев "наградил" местную милицию, то эту трактовку автор оставляет без комментариев...

А вот воспоминания Сергея Петровича Волкова о событиях в Ливнах в конце 17-го, начала 18-го года: "Большевики отчаянно боролись за власть в исполкоме, куда входили наряду с ними меньшевики, эсеры, анархисты, духовенство. Буржуазия надеялась, что все скоро вернется к старому. Ползли слухи о грубости, насилии, бескультурье большевиков. В тиши запертых особняков шушукались о лидерах новой власти, горевали об обиженных толстосумах, в дома которых начали вселяться семьи бедняков. Одна дама, помню, с глубоким возмущением жаловалась знакомым: "Какой-то матрос поселился в нашей квартире, а нас выгнали на кухню. А вон Адамовых тоже выселили в комнату с окнами во двор, а сами заняли дом и заседают весь день".

У власти тогда стояли: матрос Приказчиков (Октябрьский), солдат Селитренников, кузнец Емельянов, слесарь Денисов (Обух), хотя здесь же было недавнее духовное руководство, чиновники, даже военруком удержался бывший воинский начальник - полковник Лопатин.

На **Рождество** (7 января 1918 года) состоялось собрание большевиков в здании начальной школы Ямской слободы, на котором было окончательно решено занять казарму милиции, разоружить охрану исполкома и взять власть в свои руки. Что и было сделано силами около двухсот человек, без боя и кровопролития".

Противоречия в изложении событий тех дней у Ковалева и Волкова очевидны. Если первый утверждает, что большевики захватили власть после упорных боев, то второй - будто она досталась им почти без сопротивления. Где же истина? Наверное, как это часто бывает, где-то посередине. По всей видимости, каждый из авторов излагал события тех лет, сообразуясь с запросами "генеральной линии партии", существовавшей на тот момент. Понятно, что абсолютно без боя большевикам власть в городе не досталась, но до массовых кровопролитных боев дело не дошло. Комитет безопасности, противостоявший большевикам, не располагал достаточным количеством верных и политически устойчивых воинских формирований.

Вот как описывает большевицкий переворот в Ливнах Ю. Бондарев: "Ливенский РВС разработал план захвата власти, который был по своему основному содержанию копией плана захвата власти большевиками в Петрограде. План ливенских большевиков предусматривал разоружение городской милиции, захват штаба гарнизона вместе со складами оружия, основных учреждений, осуществлявших власть Временного правительства в Ливнах - городской и уездной думы, почты, телеграфа, вокзала, казначейства и тюрьмы. Важное значение имел выбор момента совершения переворота. В этом заговорщикам на этот раз сильно повезло. Руководство города созвало 7 января 1918 года *(по старому стилю - К. Т.)* в Народном доме (сейчас в этом здании расположен городской Дом молодежи) собрание жителей города, на котором в полном составе присутствовало (...) и все руководство города. Собрание готовилось заранее, день 7 января был выбран как

послепраздничный: накануне все ливенцы отпраздновали **Крещение** и были в благодушном расположении духа.

(...) Как только упомянутое совещание в Ливнах начало свою работу, большевики приступили к реализации плана захвата власти в городе, и в течение нескольких часов сделали это. Совещание еще не успело закончиться, когда отряд красногвардейцев во главе с И. Д. Селитренниковым ворвался в Народный дом и арестовал все городское начальство, присутствовавшее в зале заседаний. От неожиданности отцы города не смогли оказать сопротивление и сдались. Власть Временного правительства в городе была свергнута и перешла к Ливенскому РВС. Участники совещания не сразу поняли, в чем дело, но, как часто бывало в истории России, поддержали тех, кто сильнее, - восставших большевиков".

Когда большевикам не хватало сил, их средством становилось коварство. Многие жители уезда не осознавали важности момента и не желали вмешиваться в "частный спор между Лениным и Керенским", считая, что все противоречия разрешит Учредительное собрание.

Как видим, у краеведов нет даже единого мнения о том, на **7 января** - старого или нового стиля - приходится этот переворот. Но то, что захватив власть большевики начали сразу раскручивать и маховик террора, не подвергается краеведами сомнению. Например, старший научный сотрудник Ливенского краеведческого музея, заслуженный учитель России Олег Леонидович Якубсон характеризует те события так: "Оно (*установление советской власти в Ливнах - прим. К. Т.*) прошло практически бескровно, но вскоре начались гонения и преследования "чуждых классов".

В тот же день РВС обратился к населению города с "Манифестом", в котором объявлял о принятии на себя всей полноты власти. На следующий день было принято решение преобразовать ВРС в ВРК. Председателем ВРК и Совета был избран И. Д. Селитренников. Идет отстройка новых органов

власти, и уже 25-28 января 1918 года в Ливнах собирается уездный съезд Советов, на котором присутствуют свыше 700 делегатов.

Вскоре население Ливенского уезда почувствовало всю тяжесть "военного коммунизма". Начался грабеж зажиточных граждан. Церковь также подвергалась грабежам и притеснениям. Краевед Геннадий Рыжкин описывает страшные картины погрома монастыря Св. Марии Магдалины Кудиновской волости Ливенского уезда: "Крестьяне рубили лес, принадлежавший монастырю, растаскивали овощи с огорода, оскорбляли монахинь.

Дело доходило до рукоприкладства: крестьяне избили послушницу Екатерину Черных, которой поручалось охранять амбары с хлебом. Монахини ударили в набат, звуки его подхватили колокола церкви в соседнем селе Губаново, которое подверглось нападению ранее, но отразило покушение. Погромщики отступили. На следующий день Кудиновский волостной комитет по-хозяйски расположился в самом монастыре, точнее, в его трапезной, устроив заседание и решив ключи от амбаров у монахинь забрать. При этом, как отмечала газета "Орловские епархиальные вести", "...комитетчики вели себя вызывающе: курили, сквернословили, сидели в шапках".

23 февраля 1918 года крестьянские погромщики вновь пришли на монастырский хутор, в основном они были из деревни Марьино. Ушли не с пустыми руками: угнали 22 рабочих вола, 20 лошадей, 3 коровы, 39 овец, 5 ангорских коз. Но самое страшное последовало 19 ноября того же года. Губановские погромщики оцепили монастырь, захватили колокольню, чтобы не дать ударить в набат, осадили корпус настоятельницы монастыря и угрожали ей убийством. Почувяв недоброе, игуменья переделась, тайком покинула монастырь и уехала в Ливны. Толпа ворвалась в ее апартаменты, но хозяйки там не было. Начался погром. Растащили все, что уцелело от

предыдущих грабителей. Так закончил свое существование монастырь Святой Марии Магдалины".

Замечу, что кое-кто из местных коммунистов до сих пор рассматривает эти вопиющие случаи грабежа и разбоя, как истинные примеры народоправства. Многочисленные примеры того, как "народная" власть терроризировала народ, приводились в моем предыдущем исследовании.

Понятно, что террор, изъятие хлеба, осквернение православных святынь и национализация предприятий и учреждений вызывали нарастание сопротивления у населения. Кроме того, начала расти оппозиция большевикам в самом Совете. Ведь весной 1918 года состав Совета был еще весьма пестрый по своему политическому спектру. В него тогда входили и эсеры, и меньшевики, и анархисты, и беспартийные. И большевицкая политика тотального террора, и их экономическая линия устраивали далеко не всех... 8 марта состоялось совещание волостных комитетов, на котором группа зажиточных крестьян во главе с И. И. Клеповым отказалась принять к исполнению закон о социализации земли от 19 февраля 1918 года.

Противостояние между партиями доходило до взаимных арестов, грозя перерасти в вооруженный конфликт. Сперва был арестован социалист-революционер Клепов, но по требованию участников совещания освобожден, а 16 марта в Ливны прибыл поезд с вооруженными людьми под командованием Иосифа Бергмана, начальника штаба по борьбе с контрреволюцией. Был арестован большевик Селитренников и несколько сопровождавших его красноармейцев. На открывшемся 19 марта очередном съезде Советов Бергман заявил, что прибыл арестовать кучку авантюристов, не пользующуюся доверием народа. Но на более решительные действия эсеры тогда так и не решились. Селитренников и еще несколько подвергнутых

аресту большевиков вскоре были освобождены. Обстановка в уезде продолжала оставаться сложной.

На 3-м уездном съезде Советов разгорелась острейшая фракционная борьба - большевики начали в ультимативной форме требовать от депутатов избрания на все ключевые посты своих представителей. Но большевики представляли на съезде явное меньшинство, как и в целом по уезду. Организация эсеров была гораздо мощнее и пользовалась у жителей Ливенского уезда большей популярностью. Уже в марте 1917г. ливенская организация эсеров насчитывала более ста членов партии: в ее состав входили учителя, торговцы, крестьяне, солдаты, офицеры. Для сравнения - в организации большевиков на середину января 1918 г. состояло всего 54 человека. В таких условиях у коммунистов не было шанса на успех.

Тогда они решили применить силу для разоружения подконтрольных эсерам воинских формирований и после этого, опираясь на верный отряд красногвардейцев, прерывают работу неподконтрольного им съезда. Пользуясь паузой, большевики изгоняют наиболее враждебных депутатов ("переизбирают"), а прочих заставляют "изменить свое поведение". После этого съезд протекает в удобном для них русле. Таким образом, благодаря решительным действиям большевики к началу лета 1918 года полностью взяли власть в городе в свои руки. Но необходимо отметить, что кое-где в волостных и сельских Советах продолжали оставаться не согласные с их политикой представители других партий.

Усиление репрессивных мер стало общей тенденцией лета 1918 года. Под их каток начали попадать представители не только "буржуазии и кулачества", но и крестьяне-середняки, а также вчерашние союзники большевиков по октябрьскому перевороту. После провала июльского мятежа в Москве, ЧК уже открыто начинает преследовать эсеров. Из органов власти

изгоняют всех, кто принадлежал к партии социалистов-революционеров. Естественно, что вчерашние союзники стали злейшими врагами.

Юго-западный областной комитет левых эсеров в начале августа 1918 года нелегально провел в Ливнах конференцию, принявшую постановление дать большевикам отпор всеми возможными способами. Создавшаяся ситуация заставила их искать альянс с вчерашними врагами. Создается штаб, налаживается связь и разведка. Идут поиски оружия.

В Губисполкоме знали, что в Ливенском уезде беспокойно, тем более что он пользовался славой кулацкого оплота губернии. Уездная ЧК и возглавлявшие здесь власть большевики также чувствовали надвигающуюся угрозу. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из красноармейцев, пулеметчика гарнизонной роты: "Нашу часть держали в полной боевой готовности, так как ходили слухи о подготовке к мятежу против Советской власти". Усиливали репрессии против всех, кто не признал власти Советов, объявили призыв в Красную армию бывших унтер-офицеров. В Ливнах за 4 дня было призвано и находилось на сборном пункте военкомата на Акатовой улице 2000 человек. Призыв проходил в самый разгар уборочной страды, когда каждая пара рук была на учете. Собравшиеся унтер-офицеры помитинговали у призывного пункта, выслушали запоздалую агитационную речь председателя уездного исполкома Прикащикова, в большинстве не согласились с ним и приняли решение "разойтись по домам", что и сделали, за небольшим исключением.

Сложность политического момента была очевидна и для большевицкого центра. Вот что говорил, выступая в ЦК, редактор центральных "Известий" Ю. М. Стеклов: "... в чисто крестьянских и малопролетарских губерниях власть вообще и коммунистическая партия в частности не имеет социальной базы... Волостная мобилизация провалилась... к нашей партии настроение враждебное". С какой бы точки зрения мы не

оценивали социальное положение рабочих, хоть с коммунистической, где им было "нечего терять кроме своих цепей", их в России было очень немного. Даже в 1926 году они составляли всего 7% населения страны, а в 17-18 году - и того меньше. Так что борьба за права рабочих была заботой о судьбе "угнетаемого" меньшинства, а не о благе всего народа.

А тем временем недовольство в деревнях начало прорываться наружу. 14 августа в ряде населенных пунктов произошло открытое неповиновение большевицким представителям, кое-где пролилась первая кровь. Не на шутку встревоженное приходящими докладами, руководство губисполкома 15 августа направило в Ливны 2-х уполномоченных и отряд из 49 "интернационалистов" (бывших военнопленных).

В создавшейся крайне накаленной обстановке организация левых эсеров решила привести в действие свои планы и, возглавив восстание, взять его под контроль. Насколько им это удалось судить трудно, учитывая отсутствие убедительных документальных данных. Действительно, программа эсеров пользовалась в крестьянской среде определенной популярностью. Но среди восставших отмечались и монархические настроения. Д. П. Селитренников в своей книге подчеркивает: "Повсеместно непосредственную роль в организации мятежа играли кулаки". Однако активное участие в восстании эсеров, дало в дальнейшем коммунистам повод именовать его не иначе как кулацко-эсеровским мятежом. Причем местные коммуно-краеведы пошли еще дальше, добавляя к нему и слово "белогвардейский". Например, тот же Селитренников утверждает: "На деле же левые эсеры оказались простыми пешками в руках белогвардейцев и в подготовке восстания выступили лишь агитаторами за идеалы и устремления кулачества, подстрекателями контрреволюционного погрома". Однако подобные утверждения абсолютно голословны. Существования никаких подпольных белогвардейско-офицерских организаций на территории Ливенского уезда никогда не отмечалось! А Добровольческая армия

(ближайшая к нашему региону Белая армия) в это время вела тяжелейшие бои на Кубани и, естественно, ни о каком взаимодействии с восставшими не могло быть и речи. Совершенно очевидно, что здесь имеет место политическая установка - объявлять все враждебное коммунистам "белогвардейским".

Попытки ЧК и красногвардейских отрядов подавить восстание в зародыше не увенчались успехом. Расправившись с большевиками в селах и организовав отряды, восставшие 18 августа двинулись на город. С востока и северо-востока наступали отряды крестьян из Козьминки, Викторовки и других окрестных деревень. Они выдвигались к городу по Елецкой и Пушкарской (ныне капитана Филиппова) улицам. Навстречу им из города вышел отряд, возглавляемый тов. Селитренниковым, в который входило 80 большевиков и 55 красногвардейцев. Но отряд не встретился с восставшими и остановился у каменоломен (восточнее города), где вечером и был разгромлен.

С юга по воронежскому большаку к Ливнам шли отряды, сформированные из кудиновских, ольшанских и евлановских крестьян, численностью не менее 600 человек, вооруженных винтовками и пулеметами. С запада надвигался на город Крутовской отряд повстанцев.

В Ливнах восстание поддержали горожане и жители окрестных слобод. Разогнав охрану на железнодорожной станции, они захватили оружие и направились на базарную площадь, где уже скопилась масса народу. Узнав о скоплении людей, туда отправился И. Д. Селитренников и попытался не то уговорами, не то угрозами заставить толпу разойтись. Но долго слушать его не стали, ударом вилами в спину он был сбит (*очевидно он был на лошади - прим. К. Т.*), а затем добит рубящим ударом лопаты по лицу. Правда есть версия, что он был убит в результате случайной встречи с повстанцами далеко за городом.

Когда восставшие начали атаку города, то по оценке Ковалева им противостояло всего 200 человек при трех пулеметах. Многие команды красноармейцев были разосланы по волостям и рассеяны, но вряд ли цифра, данная Ковалевым, учитывает всех большевиков в городе, способных держать оружие. Ведь кроме гарнизонной роты красноармейцев в Ливнах находился отряд интернационалистов и сотрудники ЧК.

Вот воспоминания военного комиссара Ливен И. К. Шестопалова: "Мне было поручено заняться укреплением и обороной отдельных участков в городе. В мое распоряжение выделили сотню красногвардейцев. Вечером 18 августа мятежники начали атаку на Ливны. Жестокий бой разгорелся на Елецкой улице. Красногвардейцы в упор расстреливали озверевших кулаков и обратили их в паническое бегство. Однако другому отряду мятежников удалось захватить Заливенку, продвинуться к центру города".

Еще 25 красноармейцев заняли оборону со стороны слободы Беломестная. Держа под обстрелом мост через реку Сосну, они несколько часов удерживали отряды крестьян, рвущихся в город с юга.

На ряде направлений повстанцы все же прорвались к центру города и начали громить советские учреждения. Бои носили ожесточенный характер. Вспоминает очевидец тех событий, ливенец Алексей Гаврилович Арбузов: "(...) слышали мы, подростки, крики и выстрелы с городской окраины, забрались на деревья, наблюдаем: со стороны Пушкарской и тюрьмы прут массы людей. Вступить восставшим на нашу Кузнецкую улицу (ныне - Рабочая) мешали выстрелы из кирпичной водозаборной будки, стоявшей на углу улицы. Но толпа напирала, окружила будку, взломала дверь и выволокла оттуда человека в красноармейской форме, растерзала моментально...

По соседству жил отставной полковник А. Леар. Восставшие направились к нему, чтобы склонить его к руководству группой, но он

спрятался. После посещения нашей улицы толпа стала еще мощнее и пошла в центр города. Захватила здание уисполкома. Дом был с балконом. Внизу стали мятежники, а сверху на вилы сбрасывали активистов советской власти".

Часть большевиков отступила к вокзалу. К ним на помощь прибыл с небольшим отрядом предгубчека Буров, но поняв, что наличными силами ничего изменить нельзя, начал отправлять телеграммы в губернский военкомат с отчаянными призывами о помощи. Ситуация на тот момент благоприятствовала повстанцам. В ночь с 18 на 19 августа они захватили арсенал и утром начали решительную атаку. Буров со своим отрядом отступил к Русскому броду, а Совет с оставшимися коммунистами оказался в полной осаде. Ближе к вечеру 19 августа сопротивление большевиков было окончательно сломлено.

Численность восставших, по различным оценкам, колебалась в пределах от 6 до 12 тысяч, что опровергает утверждения коммунистов о непричастности к восстанию широких слоев населения. Среди командиров повстанческих отрядов упоминаются фамилии Т. Артемьев, А. Чернский, И. И. Клепов, И. Фирсов, Ф. Никитин. Некоторые краеведы полагают, что лидером восстания был именно Клепов. Безусловно, этот человек пользовался авторитетом у части населения и в партийной среде эсеров, еще недавно возглавляя уездный исполнительный комитет. Но никаких документальных подтверждений этому никто не публиковал. А ведь ЧК наверняка производила следственные действия, стремясь выявить организаторов и командование мятежа! Почему же эти данные до сих пор не обнародованы? Можно предположить, что ЧК так и не выявила ничего подобного. Конечно, на местах появлялись вожаки и организующие центры. Если их не было, то их заставляла создать сама обстановка. Но как неудобно признавать коммунистам, что это восстание носило стихийный характер! Что крестьян не надо было толкать в спину, что большевицкая власть просто

окончательно переполнила чашу народного терпения. В пользу этой версии говорит и то, что заняв город и свергнув ненавистную власть, восставшие просто не знали, что же делать дальше. На подступах к Ливнам не было выставлено ни одной заставы, а про остатки отряда Шестопалова в районе железнодорожного вокзала вообще забыли. Возможно, повстанцы надеялись на то, что железнодорожные пути на подходе к городу разобраны и подразделения Красной армии быстро и незаметно не сумеют подойти.

Справедливости ради стоит сказать что восстание охватило не все волости Ливенского уезда. Так председатель Становского волисполкома Сименов Д. М. вспоминал: "Выступление кулаков в Становской волости не имело места. Большинство населения относилось к советской власти лояльно... Ливенское восстание было всего в 25 верстах, но в нашей волости никто не шевельнулся. Может быть, кто-либо держал эту мысль, но население не выступило. Кулацкого населения было мало, а середняки все шли за советскую власть".

Известие о свержении большевиков было встречено с ликованием - в церквях служили благодарственные молебны. Но пассивность и беспечность дорого обошлись восставшим. В тот же день на положение в Ливнах обратил внимание лично Ленин. Им были даны указания принять самые энергичные меры к подавлению мятежа.

Для ликвидации восстания регулярным частям Красной армии понадобились всего лишь сутки. Как отмечает О. Л. Якубсон, в подавлении восстания принимали участие отряд интернационалистов с остатками местной гарнизонной роты красноармейцев, Железный полк из Орла, прибывший из Курска бронепоезд (*по воспоминаниям Шестопалова - "Аляба" - К. Т.*), а также сводный отряд комбедов Лебединской и Кудиновской волости.

И. К. Шестопалов вспоминает: "Утром 20 августа Орловский полк, громя неприятеля тремя орудиями, умело используя броневик, стал теснить мятежников.

(...) Мятежники, огрызаясь уходили по улицам города. (...) Разбитые банды пытались закрепиться в окрестностях города. По Воронежскому большаку недобитые банды вырыли окопы, другой отряд пытался закрепиться на Московском шоссе. Однако роты Орловского полка после трехчасового боя рассеяли противника". Плохо вооруженные и слабо организованные повстанцы ничего не могли противопоставить артиллерийскому огню красных.

Самой боеспособной частью в ходе подавления восстания проявили себя наемники-интернационалисты - они добились наибольших успехов, хотя и потеряли убитыми 19 человек. Всего за время боев большевики понесли потери в 70 человек, убив 300 восставших.

3. ЖИЗНЬ В ЛИВЕНСКОМ УЕЗДЕ МЕЖДУ МЯТЕЖЕМ И ПРИХОДОМ БЕЛЫХ.

Теперь рассмотрим вопрос, как жили ливенцы более года между подавлением восстания и приходом Вооруженных Сил Юга России.

О. Л. Якубсон характеризует период от момента захвата большевиками власти до начала коллективизации как "первую волну репрессий в Ливенском районе".

20 августа 1918 года В. И. Ленин направил телеграмму Ливенскому исполкому: «приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев

в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту». Ленин указывал на необходимость конфисковать хлеб и имущество у восставших, мобилизовать и вооружить бедноту, произвести захват заложников и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны все "излишки" хлеба у кулаков.

К кулакам Ленин относил примерно 20% крестьян. Хотя само слово "кулак" начали использовать коммунисты как некое идеологическое клише для обозначения всех более или менее зажиточных крестьян, не приемлющих их политику.

Покачать всех участников восстания большевикам было бы крайне затруднительно и потому основную массу крестьян они "великодушно" амнистировали, "принимая во внимание, что они были обмануты пропагандой или участвовали в мятеже по принуждению". Сколько жителей края в указанный период было расстреляно или заключено в тюрьмы вряд ли кто может сказать точно. Если данные на этот счет и имеются, то они до сих пор не обнародованы. Некоторые представления о размахе репрессий того периода дают слова петроградского руководителя Г. Е. Зиновьева, сказавшего во время выступления: " На днях я читал заметку, что, кажется, в Ливнах Орловской губернии было расстреляно несколько тысяч белогвардейцев. Если мы будем идти такими темпами, сократим быстро буржуазное население России".

В сентябре осуждены ревтрибуналом и расстреляны такие активные участники восстания как бывшие офицеры Ф. Никитин, Т. Артемьев, полицейский пристав г. Ливны Ф. Кречетов, купец И. Красов, священник Рязанов, военком Россошенской волости Лобов. Некоторым повстанцам

удалось скрыться, среди них И. Клепов, А. Чернский, И. Фирсов; последний в ноябре был схвачен и осужден.

Воспоминания Волкова, добавляют к общей картине следующие немаловажные штрихи: "Священник Семен Оболенский из села Сергиевского переехал в 1918 году в Ливны, купив дом за рекой Ливенкой. В дни восстания с крестом в руках отслужил молебен в честь разгрома большевиков и напутствовал на победу восставших. Его сын, состоявший в партии социал-революционеров, также участвовал в мятеже. Во время расправы над восставшими отца-священника расстреляли, а сын бежал.

Погибших и расстрелянных были сотни. Ночью 21 августа несколько подвод стали собирать трупы. Грузили их навалом и везли к кладбищу. Мотались рваные штаны, пиджаки и рубахи. На кладбище восставших и красноармейцев сортировали и хоронили в отдельные могилы".

Красноармейцам, погибшим при подавлении восстания, соорудили памятник, с поименным перечислением. Но фамилии примерно полусотни погибших так и не были установлены. Бойцов интернационального отряда хоронили в Орле. В траурном номере "Орловских известий" от 23 августа 1918 года в самом начале и крупным шрифтом было напечатано: "Сыны трудового народа - русские, латыши, венгры, австрийцы, немцы - пошли без страха на доблестную смерть".

Понеся значительные потери, ливенская большевицкая организация принялась вновь отстраиваться и организовывать комбеды. Правда не обошлось без банального очковтирательства: так в докладе на уездной конференции (8 сентября), а затем и в сведениях, представленных на областной конференции РКП (б) (19 сентября), Д. Д. Прикащиков крайне приукрасил положение с партийным строительством в Ливенском уезде. Называвшиеся им сведения о наличии в уезде более 1000 коммунистов не соответствовали действительности.

1 сентября состоялся 1-й Ливенский съезд комитетов бедноты, в котором приняли участие 293 делегата. После подавления мятежа в уезде обсуждались задачи, главными из которых были заготовка продуктов для государственных нужд и воссоздание распавшихся после восстания и создание новых комбедов, там где их еще не было. К началу ноября было воссоздано и образовано вновь 560 комитетов. Прикащиков докладывал, что работу в уезде обеспечивают комбеды, признанные губпродотделом лучшими по доставке хлеба Петрограду, Москве, Красной армии. Ковалев отмечал: "С их (комбедов - К. Т.) помощью у кулаков отобрали 50 миллионов гектаров земли. Это примерно треть тогдашних сельскохозяйственных угодий". Комбеды и продотряды после проведения съезда вплотную занялись и изъятием "хлебных излишков" у зажиточных крестьян. Для помощи им из Москвы в Ливны прибыли два отряда общей численностью 185 человек, сформированных из рабочих. Возглавляли эти отряды большевики Федоров и Ермаченко. Впоследствии эти отряды слились в один, 9-й продотряд. Его штаб и казармы находились в доме Андреева - угол Красной (ныне ул. Пушкина) и Акатовой (Дружбы народов) улиц. Действовали в ходе заготовки продуктов эти отряды весьма жестко.

Усиливается контроль за всеми отраслями общественной и экономической жизни уезда. Уездный комитет комбедов 1 сентября обязал все вопросы решать с коммунистическими ячейками. Еще в июле фракция большевиков издала двухнедельный журнал "Большевик-коммунист". Изгнано левоэсеровское руководство редколлегии газеты "Пахарь". С № 100 газета выходила под названием "Свободный пахарь". В газете был введен раздел "Партийная жизнь". В январе 1919 года укому было поручено обратиться в губернский центр с просьбой открыть в Ливнах партийную школу, где в вечерние часы и по воскресным дням организовывались занятия коммунистов по политическим и общеобразовательным предметам.

7 ноября 1918 года в Ливнах была шумно отпразднована первая годовщина октябрьской революции. Центр был украшен красными флагами, лозунгами и плакатами, гремела музыка. Шествие демонстрантов проходило по улице Советской (ныне Ленина), где были сооружены две арки. Одну, изготовленную из бревен, расположили в районе, где теперь стоит памятник Ленину, а вторую, из жердей, на пересечении Соборной (*она же Советская, позже - Ленина - Т. К.*) с теперешней улицей Дзержинского. Арки украсили гирляндами и кумачовыми полотнищами. По улице прогнали княжескую карету, запряженную парой лошадей под красным флагом. В здании бывшей гимназии была организована пьянка большевиков.

В том же месяце вводится чрезвычайный налог, имевший целью изъять "у буржуазии накопленные богатства и использовать их на нужды вооруженной борьбы и хозстроительства". 29 ноября председатель исполкома и комиссии по налогу Прикашиков издал постановление, устанавливавшее срок взноса налога с 1 по 12 декабря. В частности было сказано следующее: "... уклоняющиеся от платежа исключаются из общества и объявляются вне закона...", "замеченные в агитации против налога объявляются вне закона, подлежат немедленному расстрелу на местах".

На запросы из Черкасской, Вахновской, Никольской и др. волостей с просьбами направить "неплательщиков" с заявлениями в уездную комиссию Прикашиков отвечал: "Нечего возить их в уезд... В Ливны не отправлять, надо расстреливать на месте..."

Специальная губернская комиссия постановила, что для того чтобы успешно проводилась кампания налога, "в Ливенском уезде **расстреляны только для примера 6 человек** и, к несчастью, из середняков и один из бедноты (...) всего расстреляны 18 человек".

То, что большевики практически не пользовались поддержкой у населения Ливенского края косвенно вынужден был признать и

Селитренников: "Отсутствие крупной промышленности (?), незначительность пролетарского населения, неусыпное око разветвленных органов охраны - все это мешало вести здесь систематическую революционную работу.

(...) Таким образом, упрочение Советской власти и становление большевистской организации по времени совпали. И оба эти процесса своей незавершенностью взаимно осложнили развитие друг друга".

Горожанам жилось в это время еще сложнее. Представление о повседневной жизни в Ливнах летом 1919 года дают нам воспоминания воспитанника 2-го Московского кадетского корпуса Бориса Пылина, которого лихолетья гражданской войны занесли в наши края: "Народ еще не голодал, но во всем чувствовался острый недостаток; как везде, и здесь уже были введены карточки, на которые почти ничего не выдавалось. Чтобы что-нибудь достать, нужны были или большие деньги или вещи..." Однако, как далее отмечает автор, несмотря на то, что крестьяне со своей стороны нуждались в приносимых из города товарах, расплачивались за них продуктами мало и неохотно. Причина здесь, по его мнению, крылась в том, что "Они (*крестьяне - К. Т.*) были уже избалованы городом, который вез в деревню все, начиная с одежды до золотых николаевских денег. По деревням ходили жалкие фигуры мешочников, приезжавших часто за сотни километров и выменивающих привезенные вещи за бесценок, лишь бы получить каких-нибудь продуктов.

Это был период в истории России, когда крестьянство, еще не окончательно ограбленное и разоренное большевиками и несмотря на всякого рода реквизиции, имело в своих руках достаточно хлеба. Это делало его впервые, правда, на короткий срок, как бы привилегированным классом, богатеющим, как это ни звучит странно, за счет голодающего города".

4. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. "ПОХОД НА МОСКВУ".

Антибольшевицкую борьбу на Востоке России с конца 1918 года возглавлял адмирал А. В. Колчак, носивший титул Верховного Правителя России. Обстановку, сложившуюся на Востоке к концу лета - началу осени 1919 года трудно назвать благоприятной для Белого движения. Проведя ряд неудачных боев в ходе весеннего наступления, к концу июня 1919 года армия Колчака потерпела серьезное поражение и вынуждена была на всех направлениях, кроме пермского, отступить за реку Кама. А к середине июля, с потерей Среднего и Южного Урала, основные события развернулись вокруг Челябинска, где командование белых рассчитывало втянуть крупную группировку красных в окружение и уничтожить, вновь перехватив инициативу и перейдя в контрнаступление. Однако, после тяжелых боев с переменным успехом, белые опять потерпели поражение. В середине августа войска отошли на рубеж реки Тобол, где командование фронтом надеялось, прикрываясь водной преградой, произвести перегруппировку армий и попытаться вновь завладеть инициативой, поддержав начавшееся наступление Вооруженных Сил Юга России путем отвлечения на себя части сил красных. Несмотря на неудачи, армия Верховного Правителя была еще вполне боеспособной, и в сентябре бои на Востоке разгорелись с новой силой...

На Севере борьбу с большевиками возглавил генерал-лейтенант Е. К. Миллер, которого в июне 1919 года Колчак назначил Главнокомандующим войсками Северного фронта. К этому времени Северная Добровольческая Армия насчитывала около 25 тысяч человек, кроме того, на начальном этапе борьбы, Северный фронт получал действенную помощь от стран Антанты. После заключения Брестского мира, союзники опасались захвата богатых

военных запасов, которые находились в Мурманске, Германией (непосредственным захватом или путем передачи запасов Советским правительством), и это заставляло их сотрудничать с местными национальными правительствами. Однако к августу 1919 года правительство Великобритании приняло решение об эвакуации войск из Северной Области. Становилось очевидным, что силами только русского антибольшевицкого фронта вряд ли удастся удержаться. Но, несмотря на предложения эвакуации с союзниками, Миллер решил продолжать борьбу. Осенью 1919 года его армия развила успешное наступление на нескольких участках. Белые приближались к Петрозаводску, вышли к Онежскому озеру; в Печерском районе также шло наступление, был освобожден весь Пинежский район и Яренский уезд Вологодской губернии. Однако далее успех развить не удалось.

Лидером Белого движения на Северо-Западе России к тому времени стал генерал-лейтенант Н. Н. Юденич. 10 июня 1919 года Колчак назначил генерала Юденича "Главкомандующим всеми российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против большевиков на Северо-Западном фронте". Здесь положение еще более зависело от позиций иностранных государств, в частности, Финляндии, Эстонии, Латвии. Юденич считал, что, поскольку большая часть Красной армии действовала на других фронтах, наступление на Петроград даже небольшими силами могло привести к успеху. Наступившая осень 1919 года стала переломной для Белого дела на Северо-Западе. Налицо была вероятность комбинированного удара белых армий (единственного за всю историю гражданской войны) на Петроград и Москву. К октябрю Северо-Западная армия насчитывала: 18 тысяч штыков и сабель, 57 орудий, 6 английских танков. Юденич решил начать наступление на Петроград, не укрепив, в должной мере, тыл и не обеспечив фланги, рассчитывая на стремительность и неожиданность наступления. 28 сентября части 4-й дивизии нанесли демонстративный удар

на участке железной дороги Псков - Луга, а 9 октября перешли в наступление основные силы армии Юденича. Всего через неделю после начала боев белые вышли на ближние подступы к Петрограду, захватив Гатчину. 20 октября белые подразделения заняли Павловск и Царское Село, вышли к Пулковским высотам, а разъезды разведчиков доходили даже до Нарвской заставы. Наступали решающие дни в "битве" за Петроград.

Необходимо отметить, что в то время, когда Деникин подходил к Орлу, Колчак повел контрнаступление на Пермь, а Юденич наступление на Петроград, в тылу антибольшевицких сил Прибалтики произошла гнусная провокационная история, которая имела, может быть, решающее значение в битве за Петроград, если не во всей войне. Северо-Западная армия вела тяжелейшие бои и испытывала крайнюю потребность в резервах. А 30-тысячная Западная Добровольческая Армия под командованием полковника Бермондта-Авалова вместо того, чтобы поддержать ее в решающих боях, ударила в тыл латышам, борющимся с большевиками, и начала штурм Риги, с целью "присоединения Латвии и Литвы к России". Ген. Юденич был вынужден объявить Бермондта-Авалова изменником. Прибалты сняли свои войска с фронта и начали боевые действия против Западной Добровольческой Армии, в этом их поддержали и англичане. Части Бермондта могли бы изменить положение на Северо-Западном фронте и быть решающей силой в наступлении на Петроград. Вместо этого белых заклеили как агрессоров, стремящихся "уничтожить независимость Прибалтийских республик". В результате авантюры, затеянной Бермондтом, против 15-тысячной армии Юденича красным удалось сосредоточить до 50 тысяч штыков. Вред, причиненный операциям Северо-Западной армии и всему Белому делу, нанесенный Бермондт-Аваловым, колоссален.

Наиболее драматично, в период лета-осени 1919 года, развивалась борьба на Юге России. Именно этот фронт был важнейшим в этот период. 17 июня (30 июня н. ст.) пал "Красный Верден" - Царицын. Вскоре, фронт

Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) прочно опирался на линию Екатеринослав - Харьков – Царицын, и тем самым создавались предпосылки для последующего наступления. 20 июня (3 июля) генерал А. И. Деникин, находясь в освобожденном Царицыне, издает историческую "Московскую директиву" - приказ наступать всем фронтом на север. Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесения главного удара по сходящимся к центру направлениям - на Курск и Воронеж, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. "Поход на Москву" значил очень многое в психологическом отношении. Белое движение получило реальную перспективу осуществления мечты о "спасении России", вдохновлявшей еще участников "Ледяного похода". По словам Деникина наступление на Москву было вызвано "оптимизмом, которым жил тогда юг России". Он решился на отчаянный рывок к большевицкой столице, располагая весьма скромными силами. К середине сентября 1919 года группировка ВСЮР, наступающая на Москву, насчитывала 35,9 тысяч штыков, 20,3 тысяч сабель, 756 пулеметов, 196 орудий, 22 бронепоезда, 8 бронеавтомобилей, 12 танков. Таких сил для столь масштабной военной операции на тысячеверстном растянутом фронте было явно недостаточно. Однако считалось, что "поход на Москву" вызовет массовое антибольшевицкое сопротивление в освобождаемых регионах. Забегая вперед, отметим, что, действительно, за время этого "похода", несмотря на большие потери, численность группировки ВСЮР, ведущей наступление на Москву, выросла до 120 тысяч. Численность всех войск, на всех фронтах и тыловых округах, которыми командовал Деникин, достигала максимум 200 тысяч.

Впрочем, "поход на Москву" получил поддержку далеко не у всех. В числе противников "Московской директивы" были командующий Кавказской армией генерал П. Н. Врангель и командующий Донской армией генерал В. И. Сидорин. Врангель считал необходимым нанесение главного удара через Урал на соединение с армиями А. В. Колчака. Уже позднее он

характеризовал директиву, как "безграмотную в военном отношении" и "смертный приговор армиям Юга России". Сидорин же предлагал вначале обустроить тыл и подготовить для наступления на Москву соответствующую базу.

Командующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту В. З. Май-Маевскому предписывалось наступать по линии Курск - Орел - Тула, Донской армии было задано направление удара на Воронеж - Рязань, Кавказской - на Саратов - Пензу - Нижний Новгород. На острие главного удара летне-осеннего наступления 1919 г. находился 1-й корпус Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта А. П. Кутепова - самый стойкий, боеспособный и воодушевленный, состоящий из самых старых, элитных формирований Добровольческой армии, чьи кадры закалились в кровавом горниле двух Кубанских походов. Основу корпуса составляли "цветные" части, ведущие свою родословную со времени зарождения Белого движения в России (они именовались "цветными" из-за особой расцветки обмундирования, полковых значков и эмблем). Именно здесь к началу октября Добрармия достигла наибольших успехов.

5. ВЗГЛЯДЫ КРАЕВЕДОВ НА СОБЫТИЯ ТЕХ ЛЕТ. ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Прежде чем приступить к описанию и анализу тех судьбоносных для всей России дней, окинем беглым взглядом и охарактеризуем краеведческие исследования, на которые можно опереться.

В этой связи обращает на себя внимание книга первого краеведа советской поры - Сергея Петровича Волкова. В книге "Ливны", 1959 года выпуска, которую уже с полным основанием можно назвать

библиографической редкостью, Сергей Петрович попытался отразить все основные вехи истории Ливенской земли от "преданий старины глубокой" до конца 50-х годов прошлого века. Конечно, полными и, тем более, исторически выверенными его исследования едва ли можно назвать, но конспективно он достаточно ясно отразил основные этапы исторического бытия Ливенщины. В брошюре чуть больше 90 страниц, но Волков старался охватить огромный исторический промежуток времени. При этом он немало внимания уделил событиям революции и мятежа, описал кое-какие интересные подробности (естественно с учетом тогдашних идеологических клише). Однако в главе "Ливны в годы Великой Октябрьской революции и гражданской войны" С. Волков им отведена едва ли треть страницы! Учитывая ограниченность изложенного материала, воспроизведем его в полном объеме: "Тяжелым ударом для города и уезда было нашествие деникинских белогвардейцев в октябре - ноябре 1919 года. Белогвардейскими бандитами были разгромлены все учреждения и предприятия, сожжено много зданий жилого фонда на улице Советской (ул. Ленина), вблизи теперешнего стадиона (бывшие кузницы) сооружены виселицы, и там неделями качались трупы повешенных. В овраге около спиртзавода была устроена свалка трупов расстрелянных красноармейцев и советских работников. Город долгое время оставался без света, без воды, без топлива, без хлеба, а в деревнях были потоптаны поля и уничтожен скот, что предвещало голод и в следующем году.

Разгром Деникина под Орлом и Кромами заставил белогвардейцев покинуть Ливны. В уезде после их отступления царил разруха".

Создается впечатление, что речь идет не о наступлении Белой армии, а о набеге полудиких степняков-кочевников во времена Киевской Руси. Даже учитывая царившую тогда идеологическую атмосферу, данный материал поражает пустотой и отсутствием каких-либо подробностей, интересных деталей.

Ошибки своего предшественника по части заполнения "пробелов" учел Федор Ковалев. И уже в первой своей книге добавляет подробности к "зверствам" "деникинской грабьармии", описывает, как "Ливенский уезд стал единым лагерем" в борьбе с белогвардейцами. Во втором издании, Ковалев начинает главу, посвященную боям между Красной и Белой армиями, описанием, как дети и подростки рвались на фронты гражданской войны "защищать Советскую власть". Впрочем, он действительно приводит в своих исследованиях кое-какие интересные факты. Кроме того, во втором издании автор оперирует данными по численности и вооружению подразделений ВСЮР, но при этом почему-то "скромно" умалчивает о данных по группировке Красной армии, которая противостояла белым, ограничиваясь лишь наименованием частей.

От этого дуэта достаточно сильно отличается (безусловно, в лучшую сторону) исследование Геннадия Витальевича Рыжкина. Его взгляды, условно, можно отнести к категории "перестроечных". В отличие от Волкова и Ковалева, Рыжкин более объективно оценивает деяния большевицкой власти, сознает трагичность, для всей России, братоубийственной войны и террора большевиков. Когда он пишет о крестьянском восстании, явственно ощущаются нотки симпатии к восставшим. Впрочем, несмотря на это, и он предпочитает именовать те события "мятежом". Когда речь заходит о событиях осени 1919 года, Геннадий Витальевич описывает яркие картины развращенности красных штабов и очередного витка красного террора, но, в данном случае, его симпатии, как представляется, на стороне красных.

С 2000 года, в альманахе Ливенского краеведческого музея начали печататься серьезные исследователи Белого движения. К таковым можно отнести: Р. Абинякина - аспиранта Орловского педагогического университета и Руслана Григорьевича Гагкуева - аспиранта Московского государственного педагогического университета. Кроме того, в последние годы в России начали публиковать мемуары участников Белого движения и

глубокие научные исследования, как Белого движения в целом, так и отдельных воинских формирований в частности. Но в силу своей специфики эти исследования, как правило, не дают полноценных ответов на вопрос: а что же в это время происходило во вражеском лагере, какой логикой руководствовался противник, предпринимая те или иные действия?

В 2007 году увидела свет книга краеведа Юрия Ивановича Бондарева "Летопись города Ливны". Автора не назовешь новичком в краеведении. Первые исследования проводились им еще в 1988 году, хотя такая масштабная работа увидела свет впервые. В вопросе освещения революции 17 года и гражданской войны Юрий Иванович, несмотря на то, что имеет явный "крен влево", старается быть объективным. В отличие от некоторых из своих предшественников, он предпочитает опираться не на набор идеологических клише, а на разнообразные источники информации. Впрочем, не все источники, которыми воспользовался автор можно считать достаточно серьезными, как и далеко не со всеми выводами можно согласиться.

Объединив все исследования воедино, автор книги попытался воссоздать целостную и объективную картину событий тех далеких дней, когда определялась судьба России на многие десятилетия. Насколько это удалось, пусть решит строгий читательский суд!

6. В ПРИФРОНТОВОМ ГОРОДЕ.

Дыхание фронта ощущалось в Ливнах уже с середины лета. Военный коммунизм привел к тому, что жизнь в городе к началу осени потекла впроголодь. Настроение местного населения по отношению к большевикам было в то время далеким от восторженного. По мере приближения фронта

советское руководство начало отмечать все усиливающееся ожидание прихода белых и рост враждебности к собственной политике.

Стремясь воодушевить красноармейцев и население, 13 июля 1919 года Ливны посетил "Красный Лев" - председатель Реввоенсовета Республики (РВСР) и народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий. Визит в Ливны Троцкого был вызван, прежде всего, неблагоприятным положением дел на этом направлении. Прибыл он сюда неожиданно даже для местных властей.

Краеведы дают различные оценки результатам этого посещения. Абинякин отмечает, что "его (*Троцкого - К. Т.*) пламенные речи перед рабочими успеха не имели". Рыжкин пишет, что 3-х тысячное собрание граждан города Ливны выслушало "лучшего большевика", поклялось добить "мировую контрреволюцию и всех генеральских гадюк" и что визит Троцкого в Ливны "завершился на мажорных тонах". Ковалев заявляет: "Одним оно (*выступление Троцкого - К. Т.*) придало оптимизма, у других вызвало озлобление". Здесь можно согласиться именно с Ковалевым. Отмечался и еще один результат визита председателя РВС Республики: по рекомендации губчека Ливенский уездный комитет партии и уисполком приняли решение взять "заложников буржуазии". Арестовали 46 человек, 35 были отправлены в Орел, в распоряжение губчека, а 11 содержались в местной тюрьме. Дальнейшая судьба заложников неизвестна. Несомненно, что к судьбе этих несчастных приложил руку и сам Троцкий - данное мероприятие было организовано в день его визита.

С 25 по 30 июля в Ливенском уезде проводится так называемая "неделя оружия" - сбор оружия среди населения "для разгрома врага". Но, насколько можно судить, практического успеха, за исключением очередной пропагандистской шумихи, эта акция не принесла.

Южный фронт красных откатывался на север. Во всех подразделениях и частях командиры и комиссары зачитывали красноармейцам приказ командующего Южного фронта: во что бы то ни стало закрепиться на занимаемых позициях и прикрывать Курский укрепрайон и железную дорогу Оскол - Касторная.

Однако, опрокидывая лобовыми ударами и окружая маневрами подразделения Красной армии, добровольцы неудержимо рвались на север к Москве. Заняв 7 (20) сентября Курск, добровольцы продолжали наступление по трем относительно самостоятельным линиям: на Брянск, Орел и Елец (Ливны). Над большевицкой столицей нависла реальная опасность и, сознавая всю сложность ситуации, советское правительство принимает меры организационного характера: 26 сентября собрался пленум ЦК, который назначил командующим Южным фронтом Александра Ильича Егорова, членом РВС фронта И. Сталина, членом РВС 14-й армии С. Орджоникидзе. 27 сентября решением РВСР Южный фронт был разделен на два самостоятельных фронта: Южный (14-я, 13-я, 8-я советские армии и конный корпус Буденного) и Юго-Восточный. Но оба этих фронта фактически выполняли одну задачу, совместно противодействуя ВСЮР.

Орджоникидзе сообщал Ленину о беспорядках, царивших в 13-й и 14-й армиях в письме от 13 октября 1919 года:

"Дорогой Владимир Ильич! Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше скорее в армию. Я теперь назначен членом РВС 14-й армии. Тем не менее решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдения за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта - это балаган. Сталин только приступает к наведению

порядка. Среди частей создали настроение, что дело Советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь.

В 14-й армии какой-то прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает, под своим надзором, на фронт для восстановления положения.

В 13-й дело не лучше. Вообще то, что здесь и видишь - нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников (*командарм 8-й - прим. К. Т.*) годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию, и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо поиграться целой армией?

Но довольно, не буду дальше беспокоить Вас. Может быть, и этого не надо было писать, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени ответственный и грозный. Кончаю, дорогой Владимир Ильич.

Крепко, крепко жму Ваши руки.

Ваш Серго".

Командармом 13-й армией являлся Анатолий Ильич Геккер, командующим 14-й армией был Иероним Петрович Уборевич. Но Ленин получал донесения не только от Орджоникидзе, о чем свидетельствует следующее письмо:

"Тов. Орджоникидзе.

Т. Серго. Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага. Скандал и позор. А я-то Вас направо-налево Всем нахваливал! И Троцкому доложено...

Ответьте тотчас!

- 1) Кто Вам дал вино?
- 2) Давно ли в РВС 14 у Вас пьянство? С кем еще пили и гуляли?
- 3) То же - бабы?
- 4) Можете по совести обещать прекратить (или если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.
- 5) Командарм 14 - пьяница? Неисправим?

Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет.

Ваш Ленин"

Пытаясь укрепить красноармейские части и придать им внутреннюю стойкость, большевики проводят мобилизацию не только среди населения, но и среди членов своей партии. 11 июля 1919 года Ливенский уездный комитет РКП (б) постановил мобилизовать для отправки в распоряжение 13-й армии 12 коммунистов. В августе в Ливнах открываются санитарные курсы, в конце того же месяца в городе вводится военное положение и издается приказ А. И. Геккера о создании Ливенского и Елецкого оборонительных районов. В октябре-ноябре (*правда, в данном случае, не совсем понятно речь идет о 18 или 19 г. - К. Т.*) на фронт было призвано следующее число коммунистов по волостям: Вышне-Ольшанской - 15, Хмелевской - 11, Островской - 9,

Успенской - 10.Всего, по утверждениям Ковалева, из советского и партийного актива Ливенского уезда "на борьбу с врагом" было мобилизовано свыше 400 человек, во второй своей книге он уже называет цифру в 500 мобилизованных членов партии и работников госучреждений. В результате мобилизаций среди большевиков, к ноябрю 1919 года в Ливенской уездной партийной организации осталось только 20 человек. Всего же на 1 октября 1919 года на Южном фронте насчитывалось 6800 членов партии.

Другим излюбленным средством поддержания дисциплины в Красной армии и повиновения населения был террор. С дезертирством, которое на тот момент было очень велико среди мобилизованных красноармейцев, велась жестокая борьба. Орловский губернский трибунал нещадно приговаривал к расстрелу или тюремному заключению до 20 лет, проводились и выездные заседания трибунала, в том числе и в Ливнах.

Несмотря на всю внешнюю браваду, большевики отнюдь не были уверены в том, что им удастся отбросить Белую армию. Ливенский ревком и командование 13-й армии, учитывая возможность захвата уезда частями ВСЮР, начинают создавать партизанский отряд для действий в тылу Белой армии. В постановлении от 18 сентября говорилось: "Ядро партизанского отряда должно быть из самых стойких коммунистов, на деле прошедших опыт гражданской войны..." Как известно, белые удерживали Ливенский уезд около месяца, но как показал себя за этот период красный партизанский отряд достоверных данных нет.

7. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ ЛИВЕН.

Первым на территории Орловской губернии появился 4-й Донской корпус генерал-лейтенанта К. К. Мамантова. 30 августа отдельные части казачьего корпуса, минуя село Воротынск, обходным маневром, по Московскому большаку, заняли северные окраины г. Ливны. В городе в это время размещался штаб 13-й армии красных, но насколько можно судить, в его распоряжении находилось ограниченное количество войск. Внезапное появление конницы белых вызвало у красноармейцев переполох, но командарм Геккер вместе с начальником оперативного отдела армии Семеном Афанасьевичем Красниковым, сумели-таки, не допустив паники, организовать оборону. Красников собрал штабных работников, комендантскую команду и всех, кто находились поблизости (всего собралось около 400 человек).

Бой разгорелся в районе Пушкарской слободы. Некоторое время спустя, на помощь тыловым подразделениям подошли 371-й и 372-й стрелковые полки. Численное преимущество красных стало подавляющим, и казаки отступили. В сообщении начальника Ливенского укрепрайона Реввоенсовету 13-й армии сообщалось: "Один батальон противника с пулеметами прорвался через кольцо наших войск и спешно отступает на север от Ливен по Московскому тракту".

Вот как вспоминает подробности этого боя С. А. Красников, чей рассказ опубликован в газете "Знамя Ленина" за 1967 год, на эти воспоминания делает в своей книге упор и Юрий Бондарев: "29 августа наши конные разьезды донесли, что войска Мамонтова (*правильно – Мамантов, пишу по тексту - К. Т.*) движутся по направлению Ефремов-Задонск-Касторное. В тот же день конные разведки врага были обнаружены в селах Жерино, Козьминка. Неожиданным ударом белые захватили село Воротынск и совершили нападение на Ливны. Командарм приказал мне вооружить всех штабных работников 13 армии, комендантские команды, служащих отделов снабжения, команды выздоравливающих и отбить врага. Всего набралось

более четырехсот человек. В нашем распоряжении оказалось два пулемета. Бой разгорелся на окраине Ливен. Большое мужество проявили многие революционные бойцы. Повозочный отдела снабжения Макар Червяков сначала сражался с винтовкой в руках. Но потом он увидел, что белые убили пулеметчика. Это был критический момент боя. Белые поднялись в штыковую атаку. Красноармейцы уже отбивались гранатами. Червяков подполз к пулемету и открыл прицельный огонь по белым. Скосив длинными очередями в упор вражескую цепь, он перетащил свое грозное оружие на другой фланг, поближе к наступающему противнику, и снова стал поливать смертоносными струями атакующих беляков. Мы перешли в атаку, обратили противника в бегство, уничтожили отступающих белых. Только один батальон врага успел удрать по Московскому большаку.

К нам в плен попал белый генерал Пашкевич, возглавлявший операцию по захвату Ливен. На допросе он показал: «Мне генерал Мамонтов приказал в городе Ливны все находящиеся войска 13 армии и штаб забрать, а комсостав весь уничтожить на месте».

Этому вояке были подчинены **значительные силы, в том числе два конных и шесть танковых полков (?!), шесть артиллерийских батарей.** Белая лавина шла широким фронтом, охватывая Ливны кольцом с трех сторон. Путь ей преградили части 13-й армии еще на подходе к городу. Один из боев произошел под селом Екатириновка (*так в тексте, правильно - Екатериновка – К. Т.*), где оборону держал 370 стрелковый полк наших войск. Даже битый белый генерал вынужден был сквозь зубы признать: «...Стойкость, мужество и храбрость красноармейцев 370 стрелкового полка уничтожили наши войска. Предпринимали мы три атаки, но безуспешно, несли большие потери и отошли на прежние рубежи».

Возле села Свиная Дубрава (ныне Свободная Дубрава) белые также успеха не имели. Там стоял 371 полк. Белые выслали парламентаря и

предложили красноармейцам сдаваться. Но получили ответ: «Будем драться до последнего бойца». Семь раз враги безуспешно атаковали позиции 371 полка, но сломить сопротивление не смогли.

Обходами белые подошли к Беломестной (*слободе, городской окраине с южной стороны – К. Т.*), хотели наделать панику и с ходу ворваться в Ливны. Перед ними выросла преграда – бойцы 372 полка. Четыре часа шел бой. Генерал Пашкевич с ужасом вспомнил о нем: «Долгое время мы будем помнить жестокий бой под Беломестной, где истекали кровью, но красные не давали нам покоя своим пулеметным огнем и хорошо организованными залпами, где наши части были обескровлены».

Не добившись успеха, деникинцы откатились от Ливен».

У рассказчика явно разыгралось воображение! Одно упоминание о шести танковых полках, якобы отправившихся в рейд по тылам красных, чего стоит! И это в годы, когда танки были штучным оружием? В ВСЮР их насчитывалось всего 12 единиц (читайте главу 4). Учтем, что скорость этих машин не превышала скорости человеческого бега, что они нуждались в постоянном техническом обслуживании, ломаясь через 10-15 километров самостоятельного хода... Читатель в состоянии представить себе колонны этих черепах в стремительном рейде по тылам? Видимо Красников начал путаться не только в деталях того боя, который в его устах превращается в полномасштабный многочасовой штурм города, но и в десятилетиях. А как еще объяснить причину того, что тыловой рейд корпуса Мамантова вдруг превратился в какие-то прорывы танковых клиньев Гудериана 41-го года? Остается лишь поразиться тому, как Юрий Иванович Бондарев, переписав с точностью до буквы эти рассказы в свою книгу, не обратил внимания на столь очевидные несуразности.

4-й Донской корпус Мамантова на начало рейда насчитывал 6000 сабель, 3000 штыков, 12 орудий, 7 бронепоездов, 3

броневых автомобилей. Никаких танков в рейде не было и быть не могло! Учтем, что в ходе рейда корпус постоянно разделялся на более мелкие мобильные отряды (не такой же массой он двигался весь рейд) и нес потери. Бронепоезда тоже вряд ли могли сопровождать конницу и пехоту слишком глубоко в тыл к красным: их можно было легко заблокировать, разобрав пути. Остаются только 3 броневых автомобиля, чьи технические характеристики позволяли поспевать за конниками.

Маловероятно, что в планы атакующих входили захват и удержание города. Скорее всего, задачей этого, вряд ли многочисленного, белого отряда было уничтожение штаба 13-й армии, нарушение коммуникаций красных и соединение с основными силами корпуса. Когда стало ясно, что бой затягивается и поставленную задачу не выполнить, казаки ушли. Впрочем, и сам Бондарев склоняется именно к такой точке зрения, написав: "Но, видимо, Ливны в тот момент и не были главной целью мамонтовцев". Однако понятно, что местные коммуно-краеведы предпочли говорить, что "белый отряд был разбит".

Далее, в ходе своего рейда по тылам красных войск, корпус Мамантова вторгся в Елецкий уезд. Красные войска в Ельце, насчитывавшие до 4500 штыков и сабель, не сумели организовать отпор. Доподлинно известно, что Елец был атакован и взят отрядом белоказаков, по численности значительно уступающим красноармейскому гарнизону, о чем свидетельствует рапорт командующего на тот момент Южным фронтом В. Н. Егорьева: "Тамбов и Елец были снабжены большими гарнизонами и после малого сопротивления уступили эти города коннице противника в составе 2-3 тыс. человек. Это явление объясняется полной нераспорядительностью местных начальников и неумением войск вести борьбу внутри города".

Елец удерживался белыми с 18 по 24 августа (с 31 августа по 6 сентября). Корпус Мамантова причинил красным столько беспокойства, что

для его отслеживания и ликвидации В. И. Ленин в записке к РВСР, 4 сентября, предложил использовать авиацию. По приказу РВСР была сформирована авиагруппа особого назначения из 8 самолетов, но 4-й Донской корпус продолжал свой знаменитый рейд. В день ухода корпуса Мамантова из Ельца РВС Южного фронта издал приказ о создании Елецкого укрепрайона, к которому относились и Ливны; в разъяснительной директиве одной из его задач определялось: "непосредственно преградить наступление противника на Елец на важнейших направлениях от ст. Касторная, Липецка, Ливен и Орла". Назначенный 17 (30) сентября комендантом Елецкого укрепрайона Я. Ф. Фабрициус сразу же получил приказ "организовать деятельную разведку конную, пешую и на подводах в направлениях на Ливны, Землянск и Задонск", что свидетельствует о полном отсутствии у советского командования оперативной информации об обстановке даже в близлежащих районах.

На ливенско-елецком участке, значение которого предполагалось вспомогательным, обеспечивающим правый фланг удара, действовало временное, чисто тактическое соединение - Сводная пехотная дивизия под командованием генерал-майора Александра Николаевича Третьякова. Номинально она казалась сильной, состояла из выделенной из Марковской дивизии бригады (1-й и 2-й полки) и Партизанского генерала Алексева пехотного полка, всего: 4700 штыков, 700 сабель, 26 орудий, 122 пулемета, 4 бронепоезда, 3 танка. Восточнее находился 3-й конный корпус генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро, с которым не было никакой связи.

14 (27) сентября 1919 года отряду генерал-майора А. Н. Третьякова было приказано перейти в наступление: "марковцам занять Ливны и выйти на рубеж реки Чернавка, алексеевцам, наступавшим левее, выйти на пересечение железной дороги Елец-Орел у станции Верховье. До Ливен 60 верст.

Полк (*1-й Марковский - прим. К. Т.*) должен наступать тремя колоннами: 1-й батальон - вдоль большой дороги на Ливны, но так как он на правом фланге, притом открытом, то до прихода 2-го Марковского полка ему держаться уступом сзади; 2-й батальон - вдоль реки Кшень, что неизбежно обязывало его действовать по обоим берегам ее; 3-й батальон - вдоль железной дороги, причем в полосу его наступления входило пространство влево до реки Тим, разграничительной линии с алексеевцами.

15 (28) сентября полк перешел в наступление на фронте до 30 верст... "Огневою поддержку наступавших, кроме имеющихся в наличии артиллерийских батарей (*насколько можно судить, около 8-ми полевых орудий - прим. К. Т.*), осуществлял бронепоезд "Слава Офицеру".

С 15 (28) сентября по 19 сентября (2 октября) бои носили маневренный и весьма ожесточенный характер, отдельные боевые стычки возникали и по ночам. Красные упорно оборонялись и контратаковали, используя имеющуюся у них на данном участке фронта кавалерию, причем временами весьма удачно, устраивая прорывы до 3-х верст в глубину. Но сдержать яростного напора марковцев им не удавалось.

Частям Сводной пехотной дивизии оказывалась немалая помощь местным населением, что весьма способствовало успешному наступлению. Так, мемуарист и летописец истории марковских частей, подполковник В. Е. Павлов пишет: "(...) навстречу скачущая телега. Крестьянин ехал сообщить белым, что полк кавалерии красных в 4 эскадрона при 5 пулеметах направляется на село Воловое". Или: "И в это время один крестьянин сообщает: большие силы красной пехоты идут на село Верхнее Большое, в котором батальон ночевал".

За четыре дня боев белым удалось потеснить красных на 45 верст. Через Ливны начинают в беспорядке проходить красные обозы, из города начинается спешная эвакуация советских и партийных руководителей с

семьями. Вот что вспоминает Павлов о взятии уездного центра: "19 сентября (2 октября). До Ливен оставалось 15 верст. Ожидалось сильное сопротивление на реке Сосна, протекавшей перед городом, имевшей возвышенный противоположный берег. Сопротивление красных слабело. Взята станция Коротыш. Уже впереди в легком тумане видны очертания города. Марковцев тянет вперед.

Довольно сильный бой у правофлангового батальона, и вдруг в сумерках красные быстро отходят и, к удивлению, даже не оказывают сопротивления на реке Сосна у деревни Лучи. Батальон идет к городу. Центральный батальон у реки и готов перейти ее вброд, но артиллерийская стрельба красных вдруг прекращается.

Левифланговый батальон, не встречая сопротивления, подходит к селу Крутое; там уже батальон алексеевцев, и ими взята переправа через реку Сосна. Батальон обходит город с северо-запада, берет село Моногородо (здесь опечатка или ошибка автора при написании, правильно - Моногарово - прим. К. Т.), захватив при этом в плен два батальона красных, и подходит к железной дороге, по которой полным ходом на север проскакивает красный бронепоезд и вспомогатель. Севернее у станции Русский Брод, к которой подошел другой батальон алексеевцев, бронепоезд был подбит снарядами Марковской батареи, и он, "Стенька Разин", и вспомогатель с одним орудием были захвачены.

Обход города принудил красных поспешно оставить Ливны. Под самый вечер пришлось иметь легкое столкновение с полком кавалерии, 9-м Советским, причем совершенно очевидно сдались несколько красных всадников и среди них командир этого полка, оказавшийся сыном известного всей России генерала Брусилова - ротмистр Брусилов.

3-й батальон, пройдя город, остановился на его северной окраине. С востока пришел 2-й батальон. Батальон 2-го полка остался в Моногорово (пишу по тексту - К. Т.).

За пятидневное наступление на Ливны марковцы прошли 60 верст (...)."Потери 1-го и 2-го Марковских полков за время наступления на Ливны составили порядка 1500 человек. От 3500 штыков осталось до 2000. Влитое из пленных пополнение увеличило его численность всего на 200 человек. 1-я рота в составе 35-40 человек была отправлена в Новодевицк на пополнение офицерами. Перед уходом она участвовала в похоронах своих убитых офицеров. До 50 гробов одних только офицеров стояло у церкви села Касторное.

Ливенец Митрофан Андреевич Гороностаев, работавший железнодорожником на участке 64 километра, что возле моста, вспоминал: "Красные уходили спешно. Хотели взорвать чугунный мост, но не получилось - лишь с одной из опор соскочил большой пролет. Белые быстро поставили его на место". Между тем в самом городе на короткое время воцарился хаос. Б. Пылин вспоминает: "Население начало громить склады, которые почему-то были завалены махоркой. Народ растаскивал ее мешками. А муки и, вообще, каких-либо съестных припасов на складах не оказалось, хотя Ливны в старые времена были известны своей мукомольной промышленностью".

20 сентября (3 октября) штаб 3-й дивизии Красной армии, который до этого размещался в Ливнах, переехал в Русский Брод, но вскоре начался сильный артиллерийский обстрел и штаб убыл на станцию Верховье. Огнем артиллерии белых на станции Русский Брод было разбито 9 вагонов отдела снабжения 1-й бригады.

Потеря Ливен не обескуражила красных, приведя свои части в порядок, они продолжили контратаки, пытаясь отбить город: "Полное

расстройство противника позволяло продолжать наступление, но обстановка в тылу требовала немедленной отправки туда трети сил, а через день и второй трети. В Ливнах остались лишь один батальон и комендантская рота с двумя орудиями.

22 сентября (5 октября) красные, подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. На следующий день бой шел уже на окраинах города, и только подход с юга 1-го батальона с командой разведчиков позволил удержать его. 24-го (7-го) в критический момент подошел с юга и 2-й батальон.

25 сентября (8 октября) отбита сильнейшая атака красных, после чего они были отброшены несколько к северу. Этот день - день праздника 1-го полка. Полк провел его в бою. И только в городе собравшиеся чины штаба полка во главе с командиром полка, полковником Блейшем, и немногими представителями батальонов отметили его".

Судя по мемуарам Павлова, только к 1 (14) октября, когда марковцы заняли фронт в 20 верстах к северу от Ливен, атаки красных на уездный центр прекратились, и обстановка, на какое-то время, стабилизировалась. Следует отметить, что Ливны - это последний крупный населенный пункт, взятый белыми на восточном фланге во время "похода на Москву". Елец, за который в течение 9-12 (22-25) октября велись упорные бои с переменным успехом, так и не был взят.

8. БЕЛАЯ ВЛАСТЬ В ЛИВНАХ И ЛИВЕНСКОМ УЕЗДЕ.

Естественно, что все издания советского периода отражали пребывание белых частей на территории Ливенского края только в

негативном свете. Изложения событий того времени Ковалевым, мало отличаются от таковых Волкова (читайте в главе № 5): "Белогвардейский террор, публичные казни, насилия и издевательства над населением стали массовым явлением.

В овраге между спиртзаводом и линией (лесоскладом) белогвардейцы устроили свалку трупов расстрелянных красноармейцев и мирных жителей. Многие деревья в Ливнах и даже арка, установленная на празднование 1 Мая на Советской улице (теперь улица Ленина), были превращены в виселицы. Схватив учителя Фомина, палачи зверски избили его, а потом повесили на арке". Какое-то массовое истребление населения! Правда, сколько было жертв этого "белого террора" Ковалев почему-то не указывает.

Во втором издании автор добавляет следующее: "В городе начались еврейские погромы (...). Появились приставы, урядники и старосты. Помещики начали возвращать свои земли, сводить счета с крестьянами. (...) **Несколько крестьян** для устрашения были повешены в центре города. Белогвардейский террор, публичные казни, насилия и издевательства над населением **стали массовым явлением**. Белые рушили все, что могло напоминать о Советской власти. В ярость привел их памятник на могиле павших бойцов революции, погибших в августе 1918 года во время кулацкого мятежа. Белые сравняли памятник с землей". Можно добавить: и т. д. и т. п. Далее Ковалев рассказывает про ту же "свалку трупов" и повешение Фомина, добавляет картину издевательств над милиционером И. З. Лариным, которого потом расстреляли вместе с женой и, уж совершенно не к месту, упоминает "печально известного Туркула".

Внимательный читатель сразу отметит в таком изложении событий множество противоречий и нестыковок. То автор пишет лишь о "нескольких" повешенных, то уверяет, что казни и насилия со стороны белых носили

"массовый" характер. Ну и уж вовсе не к месту упоминается известный герой Белого движения, командир 2-го Дроздовского полка (позже, командир дивизии) Туркул. Действительно, генерал (в это время еще полковник) Туркул люто ненавидел большевиков и, иногда, расстреливал их лично, но ведь дроздовцы находились на совершенно другом участке фронта и к событиям в Ливнах никакого отношения иметь не могли.

Стоит вспомнить историю с бывшим ротмистром Брусиловым и сказать, что его действительно могли расстрелять, как утверждают Ковалев и Рыжкин, под впечатлением только что закончившегося тяжелого боя. Добровольцы, наряду с комиссарами и коммунистами, нередко расстреливали и офицеров, служивших у красных, как "изменников присяге" (если последние отказывались кровью искупить свою вину). Так в книге Семанова упомянуто: "Младший Брусилов покинул Москву - и пропал. До отца доходили лишь противоречивые слухи о его судьбе. Однажды, уже в конце декабря 1919 года, знакомый принес армейскую газету "Боевая правда". В ней - маленькая, напечатанная мелким шрифтом заметка: "Белые расстреляли б. корнета Брусилова". С ужасом читал отец: "В Киеве по приговору военно-полевого суда белыми расстрелян б. корнет Брусилов, сын известного царского генерала. Он командовал красной Кавалерией и попал в плен к белым в боях под Орлом". Вот и вся заметка. Но это была лишь одна версия гибели сына, существовали и другие. Отец так и не узнал с достоверностью, где и как погиб его сын. И тут видно много нестыковок. В книге "Марков и марковцы" Брусилов называется ротмистром, а в трудах Ковалева и Семанова еще корнетом. Обстоятельства его смерти и вовсе не ясны, исследователи весьма противоречивы в своих утверждениях.

Краевед Г. В. Рыжкин рисует перед нами следующую картину ливенской жизни: "На захваченной территории деникинцы уничтожили советские учреждения, восстановив органы, действующие до революции. Появились приставы, урядники, городские думы, **суды**. В деревне

установили старые аграрные отношения. Действовали полевые суды. Крестьянина Ливенского уезда Сергея Александровича Губанова за причастность к большевизму и угрозы в адрес казаков Донской армии **приговорили** к расстрелу".

Но прежде чем делать выводы, давайте ознакомимся с точкой зрения еще нескольких исследователей и воспоминаниями мемуаристов. В этой связи интересны воспоминания уже упоминаемого подполковника В. Е. Павлова: "Марковцы вошли в Ливны. Немало народа встречало их с радостью. По крайней мере, так казалось. (...) Первое впечатление от разговоров: жители, и особенно интеллигентный слой, продолжали жить под влиянием страха. Не сразу они становились откровенными. Но вот в одной высококультурной семье разоткровенничались. Оказалось, что интеллигенция испытывает страх не только перед большевиками, но и в некоторой степени от мысли о своей судьбе при белых".

Интересные подробности о посещении нашего города оставил историк Сергей Германович Пушкарев, бывший социалист, отсидевший в царской тюрьме два с половиной месяца за хранение нелегальной литературы, а в описываемый период - доброволец в Белой армии: "Двинувшись из Старого Оскола на север, наш полк скоро занял узловую станцию Касторное, а потом, идя дальше на север, мы заняли уездный город Орловской губернии Ливны, не встретив серьезного сопротивления. В Ливнах полк задержался, и я решил побродить по окрестностям и побеседовать с местными крестьянами, чтобы разъяснить им цели и задачи Белого движения и Белой армии. Одет я был в затрепанную солдатскую форму в больших сапогах и без всяких знаков отличия, так что никто не мог принять меня за офицера. Однако беседы наши не клеились. Крестьяне или вовсе уклонялись от разговора, или, слушая меня, отмалчивались, а на прямые вопросы отвечали уклончиво. Чаще всего отвечали обычной мужицкой формулой: "Кто знает..."

Один же из них, судя по виду ополченец, когда я стал говорить о спасении России и благородстве той задачи, которую выполняла Белая армия, перебил меня со злостью и раздражением: "Чтоб вас усех черти побрали - красные, белые, зеленые и какие-то там ишшо! Три года мы на войне страдали, у окопах мучились! Ну, думали, теперь война кончилась, придем домой, спокой будет... А вы теперь ишто у Расею войну принесли!"Согласитесь, это как-то не вяжется с утверждениями коммуна-краеведов, что белые расстреливали за малейшее не так сказанное слово.

Р. Абинякин в своей статье "Поход на Москву: Добровольческая армия на ливенском направлении в 1919 г." пишет: "И о приходе белых, и об их пребывании в Ливнах существуют крайне противоречивые свидетельства. Они заслуживают того, чтобы, несмотря на обширность, быть приведенными почти полностью.

С одной стороны некий "очевидец", правда почему-то пожелавший остаться неизвестным, писал в декабре 1919 г. в газете "Красный Орел": "Ливны словно вымерли. В 6 час. вечера появился первый разезд, а через некоторое время под пение "Спаси, Господи, люди твоя" вошли белогвардейцы. После их прихода начались грабежи квартир - еврейских и русских "по ошибке", вымогательства с угрозами, револьверами и винтовками, насилиями над еврейскими женщинами.

На следующий день начали убирать советские вывески, восстановлена дума, "свободная" торговля и всевозможные регистрации - от военных до еврейских.

В городе открылись лавочки с разной снедью, где все можно было достать, но только за "керенки". Служащие и рабочие стали продавать вещи со своего плеча. Началась безработица. Настроение жителей, даже ждавших белых, начало меняться. Появились приставы, урядники и старосты, воскресли помещики, из которых некоторые по уезду уже заявили свои права

и кое-где преследовали крестьян. Некоторые крестьяне были повешены и висели в центре города довольно продолжительное время. Офицерство веселилось вовсю. Но на первом же спектакле 14 октября случился скандал. Во время акта на сцене появились пьяные офицеры и стали разговаривать с актерами. Режиссер не выдержал и прекратил спектакль. Публика покинула зал, но офицеры продолжали развлекаться..." Безусловно, данная "зарисовка с натуры" ценна, но многое в ней передернуто. Например, белые не практиковали классовый террор, но такое впечатление складывается, так как не сказано, за что повешены крестьяне; удивителен пассаж о безработице, ибо падение производства и натурализация хозяйства были характернейшим симптомом "военного коммунизма".

А вот что вспоминает о вступлении в город и пребывании в нем Белой армии Борис Пылин: "Помню теплый сентябрьский *(по старому стилю - К. Т.)* день, под вечер; солнце только собиралось садиться. На мосту через Сосну-реку, по дороге идущей в город, показалась стройная колонна долгожданных добровольцев. То были марковцы; они пели "Смело мы в бой пойдем за Русь святую!" Песню эту мы слышали в первый раз. Население забрасывало их цветами, многие плакали.

(...) Вечер в день прихода добровольцев принес еще много впечатлений. В доме, где мы снимали квартиру, на ночь остановилось три молодых офицера-марковца. Хозяин дома в их честь устроил ужин. (...) Офицеры были очень молоды, старшему по виду было немногим больше двадцати лет, наверное, только со школьной скамьи.

(...) Думаю, что они были одними из тех, кто боролся и отдавал свою жизнь не ради каких-то выгод для себя, не ради возвращения к старому; они просто пошли бороться против зла, за лучшее будущее своего народа. (...) И не их вина, что по тылам, за их спинами творились темные дела, пачкавшие и позорящие идею Белой борьбы; (...).

Увы... одно событие, связанное с приходом добровольцев, омрачило нашу радость первых дней и заставило в первый раз по-настоящему познакомиться с ужасами и часто ненужной жестокостью, которые несет с собой гражданская война.

Добровольцами был расстрелян один наш знакомый, учитель Ливенской гимназии (Фомин? - К. Т.).

О происшедшем пришла нам рассказать его плачущая жена. (...) По своим убеждениям он был толстовец. В 1917 году он увлекся коммунизмом, восприняв его как что-то новое и высоконравственное, близко стоящее к первобытной христианской этике, и даже записался в партию. К лету 1919 года, когда мы с ним познакомились, он уже разочаровался в коммунизме и часто в разговорах с отцом беспощадно критиковал большевиков. **Он отошел от них и полностью порвал всякие отношения с ними.** (...) Познавши всю преступность коммунизма и разочаровавшись в нем, он, по мнению отца, мог бы принести большую пользу в борьбе с большевиками. Он, конечно, не ушел с ними и, как все мы, радовался приходу добровольцев. Но... нашелся какой-то "доброжелатель", который донес на него, что он был коммунистом.

В то время большевики всех взятых в плен офицеров, как правило, расстреливали. Так же поступали и добровольцы со всеми попадавшими к ним в плен коммунистами. Под эту жестокую рубрику попал и наш знакомый. Какие-то солдаты Комендантской команды, не разобравшись и не выслушав его объяснений, расстреляли его без суда. (...) Произошла преступная и непоправимая ошибка - расстреляли человека, который ненавидел коммунизм, причем расстреляли его те, которые сами боролись с коммунизмом.

(...) С приходом добровольцев наш город нельзя было узнать, все выглядело как-то по-праздничному. На базаре было небывалое оживление,

откуда-то появились сахар, мука, масло, яйца. Крестьяне опять повезли продукты в город.

На дворе нашего дома остановилась полевая кухня одной из рот Марковского полка. Повар - толстый, флегматичный, всегда добродушный хохол - стал любимцем нашего дома. С раннего утра дымила его кухня, разнося раздражающие аппетит запахи борща, кулеша и других соблазнительных блюд. Варилось всего много, и солдаты всего не съедали. Остатки повар раздавал обитателям нашего двора".

После изучения всех источников напрашивается вывод о том, что какие-то незаконные расправы, безусловно, имели место (зачастую по недоразумению). Но утверждения Волкова и Ковалева о том, что они носили массовый характер - абсолютная чушь. С другой стороны, при вступлении марковцев в Ливны "население забрасывало их цветами". "На базаре было небывалое оживление, (...) Крестьяне опять повезли продукты в город", - вряд ли их тянуло бы туда, если бы их там грабили и вешали. Как видно из воспоминаний Б. Пылина, белых настолько поразили изголодавшиеся жители, что марковские повара по личной инициативе стали подкармливать горожан из полевых кухонь.

То, что "появились приставы, урядники и старосты" и были восстановлены дореволюционные органы власти - несомненная правда. В Ливны уже направлялся полковник, назначенный на должность земского начальника. Это свидетельствует о том, что белые сразу пытались восстановить на местах законность, порядок и размеренную жизнь. Уже через два-три дня после ухода большевиков городская жизнь вошла в норму. Для агитационной работы, сбора информации о настроениях среди населения и информирования граждан о положении на фронте в городе было образовано "Осведомительное агентство", возглавляемое Н. П. Бауером.

Упомянутый в труде Рыжкина военно-полевой суд над крестьянином Губановым доказывает, что даже в трудных фронтовых условиях белые старались избегать бессудных расправ. Если же подобное случалось, то это вызывало осуждение и командования и всего белого воинства! Хотя, конечно, в жестоком смерче гражданской войны на подобные "мелочи" нередко закрывали глаза. Но, согласитесь, найдись у красноармейцев агитатор за Белое дело, да еще в прифронтной зоне, комиссары поставили бы его к стенке через пять минут "по закону военного времени и революционной целесообразности" и даже не стали бы возиться с "революционным" судопроизводством. Соответственно белая контрразведка и Управление внутренних дел при главкоме ВСЮР делали, со своей стороны, все возможное для выявления большевицких подпольщиков, советских и партийных работников, запятнавших себя массовыми преступлениями. Об этом свидетельствует циркулярное письмо начальника Орловского уголовно-розыскного управления УВД, направленное вместе со списком советских и партийных работников, установленных по опросу беженцев из Ливен, проживающих в городе Славянске, на имя орловского губернатора.

Что касается утверждений о возвращении помещикам земли и сведении счетов с крестьянами, то, хотя и не приводится конкретных примеров данного действия в Ливенском уезде, такое вполне вероятно. Это подтверждается воспоминаниями одного из корниловцев. Подобное имело место, скажем, в Курской губернии: "Во время революции крестьяне воспользовались помещичьим лесом, и многие построили себе дома. Не успел наш полк отдохнуть, как на другой же день явились два помещика с отрядом жандармов и начали обыскивать крестьян. Один из них нашел у крестьянина свои галоши и велел его выпороть. Дома, построенные из помещичьего леса, приказывали сломать. Крестьяне толпами приходили жаловаться к нашим командирам, но помещики показывали какие-то бумаги,

и наши не знали, как себя вести. Более решительные прекращали безобразия на свой страх и риск, другие на все смотрели сквозь пальцы.

Через две недели эти крестьяне партизанили у нас в тылу. А большевики, мастера на обман, распространяли слухи, что они теперь переменялись к лучшему.

Если бы был правильно разрешен аграрный вопрос, то даже при содоме и гоморре, которые творились у нас в тылу, мы взяли бы Москву". Надо признать, что такие прискорбные случаи имели место. Позиция "непредрешенчества" и почти полное игнорирование социально-политической стороны военной обстановки командованием стали одной из коренных предпосылок военных неудач Белого движения. Благодаря таким недальновидным действиям (или бездействиям), белые начинали терять поддержку среди крестьян, а порой вызывали враждебность. Как горько признавались фронтовики-добровольцы, в ряде мест их "встречали цветами, а провожали пулеметами".

Что касается сетований Ковалева о разрушении памятника "павшим бойцам революции", то они представляются и вовсе смешными, в свете всего того, что творили большевики. Давайте тогда припомним обстрел большевиками Кремля, разрушение православных храмов и монастырей. А как большевики надругались над телом погибшего вождя Белого движения генерала Л. Г. Корнилова?! Как, после всего этого, марковцы должны были отнестись к памятнику крестьянских палачей? Возложить траурные венки и дать салют?

Наконец одним из доказательств того, что местные жители доброжелательно относились к белым и поддерживали их в борьбе против большевиков, является факт пополнения марковских частей ливенцами-добровольцами. В. Е. Павловым отмечалось: "1-й полк быстро пополнил свои потери. В Ливнах в его ряды стало около 100 офицеров из жителей этого

города, немало добровольцев из крестьян (...) Полк снова стал большой силой (...). А один из исследователей Белого движения, преподаватель Московского государственного педагогического университета Василий Жанович Цветков, в своей книге "Белые армии Юга России", посвященной, в числе прочего, комплектованию белых частей, отмечал: "Крупные пополнения дали (...) Ливенский (...) уезды Орловской губернии". В приложении 5, книги В. Ж. Цветкова отмечается, что Ливенский уезд дал пополнения в Партизанский генерала Алексева полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, 2-й офицерский генерала Маркова полк, эскадрон 2-го драгунского Псковского полка. В 1919 году даже "цветные" полки и дивизии Добровольческой армии, многие из которых именовались "офицерскими", на 60-70% состояли из крестьян и только 25% численного состава составляли кадровые офицеры.

Конечно, такие взаимоотношения с местными жителями были не везде. В других уездах и волостях отношение к белым было подчас равнодушным, но нигде оно не было враждебным, а скорее выжидательным.

9. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ. РЕШАЮЩАЯ БИТВА.

Белыми была освобождена большая часть Орловской губернии. В. И. Самаркин в своей книге подчеркивает: "Под игом **оккупантов** (!?) оказалось более 40 млн. советских людей". Из 12 уездов только Болховский, Мценский, Карачевский и Трубчевский оставались в руках красных. Для белых создалась возможность прорыва через Орел на Тулу.

Еще всюду царило воодушевление. В полках и дивизиях Добровольческой армии шел спор о том, кто первый войдет в Москву. "Цветные" части соперничали друг с другом в доблести и честолюбии,

будучи уверенными, что до победы остался один шаг: каждому хотелось въехать на коне на Красную площадь, под малиновый перезвон. Вот что вспоминает о тех днях Павлов: "Подъему настроения в обоих полках очень помогло сообщение, что 1 (14) октября был взят Орел. Марковцы кричали "ура" корниловцам. Надежды на скорую победу крепили. Считали, сколько осталось переходов до Москвы.

Но вот возвращавшиеся в полки говорили: газеты пишут, и все говорят: "Корниловцами взят Курск. Корниловцами взят Орел". Генерал Май-Маевский сказал: "Орел - орлам" и... ни слова о марковцах. Будто их и не существует. Раненые марковцы напрасно искали в газетах что-либо о своих полках. Впрочем, прочли сообщение: "Отряд капитана Коломацкого взял город Ливны". Догадались, что говорится о них, марковцах, только по фамилии капитана Коломацкого, и еще потому, что знали о наступлении своих частей от Корочи на Тим, Щигры, Мармыжи... Но кто другой догадается? Как-то было досадно".

Характер боев на тульском направлении начал резко меняться с середины октября. Белые полки столкнулись с нарастающим сопротивлением РККА. Вскоре разведка донесла о концентрации крупных подразделений латышской пехоты в районе Севска и под Кромами. К началу решительных сражений, на Южном фронте, которому 16 октября была подчинена и 12-я армия, имелось 104074 штыка, 14848 сабель, 2765 пулеметов и 606 орудий, Юго-Восточный фронт имел в наличии 51579 штыков, 6367 сабель, 1651 пулемет, 285 орудий, а всего на обоих советских фронтах было 155653 штыка, 21215 сабель, 4416 пулеметов, 852 орудия.

Группировка ВСЮР, рвущаяся к Москве и состоящая из Добровольческой, Донской и Кубанской (Кавказской) армий, к этому времени насчитывала: 63800 штыков, 48800 сабель, 2236 пулеметов и 542 орудия. Как видим, красные во всех видах вооружений (кроме конницы)

значительно превосходили белых. А на участке фронта от Кром до линии железной дороги Орел-Курск, в районе станции Еропкино, красные имели почти трехкратное превосходство в силах.

Кроме того, Южный фронт был значительно пополнен вооружением, боезапасами и вещевым имуществом. Только за октябрь-ноябрь он получил: 527 пулеметов, 29804 винтовки, 80405 снарядов и около 33 миллионов патронов. Было также выслано на фронт 52 тысячи шинелей и более 83 тысяч пар обуви. Большевики мобилизовали все ресурсы промышленности. Так Брянские заводы выпустили для Южного фронта 16 бронированных поездов, отремонтировали 270 трехдюймовых орудий и ремонтировали без задержки всю прибывающую с фронта поврежденную технику. Елецкий авиаремонтный завод своевременно справлялся с заказами на ремонт самолетов.

Красная армия в полной мере обеспечивалась продовольствием и фуражом. Из 8 миллионов пудов хлеба, заготовленного в губернии к концу февраля 1919 года, большая часть пошла на нужды Красной армии. Кроме того, только в октябре-ноябре 1919 года для 13-й армии было поставлено 500000 пудов хлеба, минуя продовольственные органы, т. е. взято непосредственно у крестьян. Надо отдать должное большевикам - они умели реально воплощать в жизнь лозунг "Все для фронта! Все для победы!" В отличие от белого нераспорядительного и вороватого тыла, который поставлял боеприпасы, пайки и обмундирование с перебоями, тем самым часто толкая войска на необоснованные реквизиции и откровенные грабежи, в красном тылу была наведена железная дисциплина и мобилизованы все ресурсы для нужд фронта.

10 октября началось контрнаступление Южного фронта. Части корпуса генерала Кутепова пытались стойко выдержать атаки превосходящих сил противника. В течение двух недель линия фронта

колебалась, в напряженной борьбе решалась по существу судьба всей гражданской войны...

15 октября части 1-й Латышской дивизии заняли г. Кромы. 19 октября части РККА в составе Эстонской дивизии, 9-й стрелковой дивизии и Латышской дивизии окружили г. Орел с трех сторон. В ночь на 20 октября белые части оставили Орел и вышли на станцию Стишь. В 10 часов утра подразделения Красной армии вошли в город. 23-24 октября 1919 года оперативной инициативой снова овладел Кутепов, белые повели широкое наступление в направлении Орел-Кромы; город Кромы опять взят, части дроздовской и корниловской дивизии заняли удобные исходные рубежи для атаки на Орел. Переход в контрнаступление частей Эстонской дивизии остановил белых и помешал вторичному занятию Орла. Об упорстве и напряженности боев в ходе Орловско-Кромского сражения говорит тот факт, что корниловские полки потеряли до трети своего личного состава. Впрочем, не менее серьезные потери отмечались и в красноармейских частях, особенно, Латышской и Эстонской дивизиях, которые являлись основной ударной силой большевиков в этом сражении. Противоборствующие стороны напрягали все силы для достижения победы. Было отмечено даже применение химического оружия! Указывается, что по 4-му латышскому полку за час было выпущено до 380 снарядов, в том числе 16 химических. Конница Шкуро и Мамантова не смогла сдержать напор масс буденовской конной армии. 24 октября белыми был оставлен Воронеж.

Растянувшийся от Киева до Туркестана тысячеверстный фронт оказался сломлен на своей вершине - под Орлом. В решительный момент на главном операционном направлении на Москву оказалось из всей двухсоттысячной армии ВСЮР около 10 тыс., а остальные были разбросаны по второстепенным направлениям, в том числе, например, на Астрахань, заняты борьбой с Махно и Петлюрой и так далее. Позже Белая армия уже

никогда не добивалась успехов значительнее, чем во время "похода на Москву".

10. ОБОРОНА ЛИВЕН.

Еще 2 (15) октября командующий Южным фронтом А. И. Егоров приказал командарму 13-й А. И. Геккеру "согласованными действиями 42-й и 3-й дивизий овладеть Ливнами", одновременно ударив другими частями армии на Орел. После отступления корниловцев из Орла 7 (20) октября последовал приказ о сходящемся натиске на Ливны: 9-й стрелковой дивизией (начдив П. А. Солодухин) - от Орла, 3-й стрелковой дивизией (начдив А. Д. Козицкий) с 11 (24) октября - через Верховье и 42-й стрелковой дивизией (начдив И. Х. Паука) - со стороны Ельца.

Сводная пехотная дивизия генерала Третьякова, основу которой составляли марковцы, все еще держалась, несмотря на неделю отчаянных боев, несмотря на значительно уменьшившуюся численность и страшную моральную и физическую усталость. Бои не прерывались ни на один день. Прошло теплое время и бойцы начали замерзать, не будучи достаточно экипированными. Плохо стало и с подвозом пищи.

Хроника обороны Ливен такова: 12 (25) октября красные повели наступление на Ливны, на левый фланг 1-го полка, где стояла лишь комендантская рота в 250 штыков и отчасти Конная сотня. Наступление велось большими силами, но вяло: сдерживал туман и, очевидно, угроза удара во фланг со стороны алексеевцев.

13 (26) октября к комендантской роте спешила на помощь команда разведчиков, и прискакал полковник Блейш. Он сказал: "Дальше ни шагу!", и сам вступил в руководство боем.

В этот день все батальоны полка вели бои у Чернавы, и только ночью был снят 2-й батальон, получивший приказание срочно идти вдоль реки Чернавки для удара в левый фланг и тыл наступающему на Ливны противнику.

14 (27) октября марковцы, обороняющие Ливны, вынуждены постоянно маневрировать и перебрасывать батальоны с одного участка на другой, отбрасывая наступающие колонны красных. Положение на фронте полка грозное.

За три дня боев марковцы отошли на 12-15 верст, оказывая упорное сопротивление. Комендантская рота потеряла 117 штыков из 250.

Фронт Сводной дивизии проходил от станции Касторная, на которой стояла Марковская инженерная рота с двумя орудиями, на север вдоль реки Олым до слободы Чернава, откуда сворачивал на запад до пересечения железной дороги от Ливен на Верховье - протяжением 100 верст. Подразделения Сводной дивизии оказались отрезанными от Курска и лишены прямой связи со штабом корпуса, которому непосредственно подчинялся командир дивизии Третьяков. Состав отряда генерала Третьякова был следующий: 1-й Марковский полк (до 1200 штыков), 2-й Марковский полк (до 1400 штыков), Алексеевский полк, сведенный в два батальона (до 800 штыков), и конная сотня 1-го полка (150 сабель). Это были все силы, которыми располагал Третьяков, так как инженерная рота уехала в Курск. На этот отряд белых напирала 3-я и 42-я стрелковые дивизии, отдельная стрелковая бригада и бригада конницы, не считая резервов - отряда матросов и других мелких соединений красных.

Вот что вспоминал о тех днях офицер Добровольческой армии Виктор Ларионов: "До Ливен мы не дошли и попали в новые бои. Эти бои в лесистой местности были трудны. Красная пехота была многочисленна и, чувствуя перевес, упорно напирала на наши поредевшие цепи.

- Понимаете, - говорил молодой командир одного из Марковских батальонов, - вот вчера выкупались в Сосне... Мы пошли в наступление. Красные - навстречу. Мы - "Ура! В штыки!" Раньше они бы побежали, а теперь, не тут-то было. Кричат - "Ура" и тоже в штыки, а их-то в четыре раза больше. Ну, и выкупались... Бррр... Вода-то ледяная.

Молодец-командир батальона смеется, скалит ровные, белые зубы, поправляет башлык, - ему все нипочем!

Горячий бой... Я только что попал под разрыв шрапнели и удивляюсь, как остался жив. Вокруг пули взрыли землю, переранили лошадей, поломали шанцевый инструмент около орудий. Мое орудие заклинилось, и приехавший с участка Второго взвода капитан Михно приказал вывезти орудие в Управление дивизиона и выбить там, в технической части, заклинившуюся гранату.

Дорога лежала на Ливны. Но когда мы пришли в Ливны, хозяйственная часть дивизиона и мастерская уже ушли на юг, и я решил вернуться к батарее".

15-16 (28-29) октября продолжались бои с применением артиллерии. Красные, используя кавалерию и усилив артобстрел, несколько потеснили белых, но очевидного преимущества пока не имеет никто. С обеих сторон ощутимые потери.

17 (30) октября 2-й Марковский полк получает приказание оставить слободу и отойти на 60 верст, к станции Касторная. Становится понятно, что началось отступление.

Части генерала Третьякова начали отступать, ведя непрерывные арьергардные бои и, временами, нанося красным ощутимые контрудары. Учитывая, что основным стратегическим направлением оставалось орловское, командование Добровольческой армии отводило войска к Ливнам и продолжало ожесточенное сопротивление под Змиевкой. К 19 октября (1 ноября) фронт приблизился к городу на расстояние 10-20 верст, охватывая его с северо-востока и востока.

Несмотря на заявления населению о стабильности обстановки, 20 октября (2 ноября) белые оставили Ливны, в которые первым пришел 371-й стрелковый полк 42-й дивизии красных. Оставление оказалось не временным и не случайным. Однако кровопролитные бои под городом еще продолжались.

22 октября (4 ноября) ночью марковцы услышали оружейную стрельбу в северном направлении и недоумевали о ее происхождении. Приехавшая из штаба полка связь сообщила: это ведут бои крестьяне, не желающие оставаться у красных и пробивающиеся к Добровольческой армии. Всю ночь в распоряжение марковцев пробирались крестьяне. Только на 1-й батальон, стоявший у реки Олым, за трое суток вышло около 400 человек. Они просили зачислить их в ряды, дать оружие. Но включали только по числу имеющихся винтовок. "Почему не проведена своевременно мобилизация?" - говорили марковцы, - "Красные ее проводили в прифронтовой полосе. А как нам нужно было бы пополнение и, тем более, такое верное". К сожалению, благоприятное для мобилизации время было безвозвратно упущено.

Как отмечал в своем интервью ливенскому телеканалу "Над Сосной" историк Белого движения В.Ж. Цветков на семинаре, проходившем в Ливенском краеведческом музее: "Ливенские крестьяне не пошли с марковцами до конца. Они прошли с марковцами до границ Донбасса, а

далее решились вернуться назад". Дальнейшая судьба ливенцев-марковцев неизвестна.

Через несколько дней, измученные и обескровленные непрерывными боями, добровольцы были отброшены на 35 верст к юго-востоку от Ливен. А в городе началась "резня всех, кто сочувствовал белым".

Подвижные соединения Красной армии принялись преследовать и громить отбившиеся от основных сил подразделения добровольцев и беженцев. Красноармеец Владимир Балашов, служивший во втором эскадроне 1 кавалерийского полка, вспоминает: "Все станции были забиты эшелонами с удирающими белогвардейцами. На станции Мармыжи мы перехватили один такой эшелон. В одной из теплушек обнаружили несколько священников. Попы умоляли не трогать их, так как они, мол, мирные люди. Но обыск показал, что у попов в теплушке были и винтовки, и патроны, и другое воинское снаряжение. Так что против большевиков они воевали не только "словом божьим". Что было дальше с плененными священнослужителями автор не сообщает, но, судя по тону публикации, их вряд ли отпустили с миром...

Думается, что только наивный простака может поверить, что группа батюшек могла разъезжать с таким арсеналом! Наверняка в переполненном составе кроме беженцев ехали и военные чины. Логично предположить, что когда на станцию ворвалась красная кавалерия, солдаты и офицеры, покидая теплушки, могли в возникшей суматохе и панике выронить или побросать оружие. Едва ли и красноармейцы не понимали этого. Но кому было до этого дело?

Отход добровольцев от Ливен, в свете общей обстановки на фронте, был единственно возможным решением, но этим создавался плацдарм для широкого наступления Красной армии.

11. ВНОВЬ ПОД ПЯТОЙ СОВЕТОВ.

Находясь на периферии Орловско-Кромского сражения, Ливны достаточно долго были заняты белыми частями и почти не пострадали, так как боевых действий на территории города практически не велось. Жители города и уезда, измученные террором большевиков, в массе своей были рады приходу добровольцев и, даже столкнувшись с рядом разнузданных выходок, в целом отношение к ним не изменили. В Ливенском уезде практически не отмечено враждебных действий к белым. Напротив, многие ливенцыполнили ряды белых частей. Как отмечает в своей статье Р.Г. Гагкуев: "(...) подобного массового поступления крестьян в части белых в других регионах не наблюдалось".

Конечно, такого большевики ливенцам простить не могли. Первые репрессии последовали, как только Красная армия вошла в Ливны (*см. выше - К. Т.*). 6 ноября в городе возобновилась работа советских и партийных органов власти, а 20-го числа состоялся съезд Советов, символизирующий окончательное возвращение и закрепление власти большевиков.

Социально-экономическое положение в Ливенском уезде за время революционных потрясений и боев между Красной и Белой армиями тоже изменилось, хотя, возможно, эти изменения не были такими разительными, как в других губерниях. Мирных жителей, погибших в боях и революционном хаосе было еще относительно немного, и это не привело к какому-либо уменьшению населения уезда. Но, благодаря экспериментам большевиков, экономика города и уезда пришла в упадок. Количество работающих промышленных предприятий к 1920 году сократилось на треть, а количество работающих на них - более чем в пять раз.

13 октября 1921 года в Ливнах создается специальный лагерь системы ГУЛАГа. Сюда из переполненного орловского лагеря №1 были переведены следующие категории заключенных: офицеры Белой армии, офицеры польской армии, солдаты петлюровской армии и махновцы, гражданские лица; содержались здесь и женщины. Кроме перечисленных, из Тамбова прислали 210 человек - участников мятежа 1918 года, осужденных за бандитизм. В рассчитанном на 200 человек лагере содержалось 300 заключенных.

Им инкриминировались самые различные обвинения, от "контрреволюционной деятельности" и "службы в Белой армии" до "как подозрительная личность". Отмечается, что ввиду несоответствия санитарно-жилищных условий нормам, в ливенском лагере были распространены болезни.

Круг лиц, подвергавшихся репрессиям, все более расширялся. Чем больше крепла власть, тем шире становились репрессии.

12. ПУТЬ ОТ БЛЕСКА ПОБЕД К ПОРАЖЕНИЮ.

6 ноября дроздовцы отступили от Брянска. Началось повсеместное отступление Добармии и ВСЮР. Однако начавшееся отступление командование Белой армии рассматривало в те дни еще как временное. В интервью харьковским газетам ген. Май-Маевский заявлял, что "предвидит скорый перелом противника". В середине ноября Ставка потребовала от Добровольческой армии нового наступления на фронте Ливны-Орел-Брянск. Но войска были уже настолько потрепаны и ослаблены непрерывными сражениями, что нереальность наступательной операции скоро стала для всех очевидной.

На Кубани возник заговор Быча и Калабухова, который пришлось спешно ликвидировать ген. Покровскому. В Крыму появились шайки "самоопределяющегося" капитана Орлова. Между Деникиным и Врангелем возник открытый конфликт. В марте 1920 года был потерян Кавказ. Остался один Крым, где армией командовал уже близкий к нервному расстройству ген. Слащев. В этих условиях генерал Деникин сложил с себя звание Главнокомандующего и передал судьбу подчиненной ему армии на решение Военного Совета. Последний выбрал Главкомандующим генерала Петра Николаевича Врангеля.

Приняв командование в исключительно тяжелых условиях, когда трудно было даже говорить о продолжении борьбы, генерал Врангель уже одним этим заслужил любовь и уважение как армии, так и общественности. Он показал себя отличным организатором. В короткое время было реорганизовано гражданское и военное управление, восстановлен дух войск, достигнуто соглашение с казаками, избегнуто финансовое банкротство, разработан план на случай эвакуации, а также разработана и проведена земельная реформа! Но было уже слишком поздно... Международное положение было очень сложным - вчерашние союзники постоянно "ставили палки в колеса". В отношении военных операций следует отметить: занятие Северной Таврии, десант на Кубани и Заднепровскую операцию. Но в ходе наступательных операций Врангеля ждала та же "ловушка", что и Деникина - немногочисленная Русская армия не могла удержать растянувшийся фронт. В середине октября 1920 г., под напором Красной армии, белые отступили за Перекоп. В третью годовщину Октября начался штурм перекопских укреплений. Уже к вечеру 10 ноября генерал Кутепов телеграфировал в Ставку, что укрепления прорваны. Вскоре после падения Перекопа был реализован план эвакуации. Врангель покинул пристань Севастополя одним из последних 14 ноября 1920 года. Эскадра из 126 судов покинула родные берега. Последний период Белой борьбы на юге России завершился.

На Северном фронте успеха развить не удалось, и 4 февраля 1920 года большевики начали наступление на Двинском фронте. 13-15 февраля развернулись решающие бои. Стрелки 4-го Северного полка дезертировали, и 16-18 февраля фронт распался. Утром 19 февраля командование армии и правительство покинули Архангельск. 21 февраля произошел большевицкий мятеж в Мурманске. 23 февраля войска Мурманского района отступили к финляндской границе. Отдельные части Северной Добровольческой Армии продолжали сопротивляться до конца марта 1920 г.

Северо-Западная армия несколько дней вела упорные бои на Пулковских высотах. Но наступление захлебнулось, главным образом, вследствие предательства вчерашних союзников по Антанте и авантюры П. М. Бермондта-Авалова, погубившего в бессмысленных боях Западную Добровольческую армию. Ко всему прочему в отступающих с непрерывными боями частях вспыхнула эпидемия тифа, которая косила добровольцев похлеще красноармейских пулеметов. Подразделения Северо-Западной армии после тяжелого отступления оказались, главным образом, на территории Эстонии, где ее вчерашние союзники, эстонцы, стали разоружать и убивать чинов армии, запирали их в тюрьмы и концлагеря. С беженцами из Петроградской области прибалты обращались хуже, чем со скотом. 22 января 1920 года Юденич издал приказ о роспуске армии. Позднее часть северо-западников вошла в ряды Русской народной Добровольческой армии Булак-Балаховича и Б. Савинкова, действовавшей в Белорусском Полесье в 1921-1922 годах.

1 ноября 1919 года была оставлена столица "Белой Сибири" Омск. Приближалась катастрофа. После падения Омска начался знаменитый тысячеверстный "Сибирский Ледяной поход". Верховный Правитель Колчак принял план генерала Каппеля отвода войск за Енисей. По пути отхода белых преследовали мятежи и измены. 7 января 1920 года остатки колонн Каппеля переправились через Енисей. В ночь на 13 января 1920 года Колчака, его

конвой и эшелон с золотым запасом России захватил эсеро-меньшевистский Политцентр и выдал большевикам на расправу. 7 февраля большевицкий ВРК, опасаясь освобождения Колчака, расстрелял его. В марте 1920 года каппелевцы, сумевшие уйти за Байкал, дошли до Читы и объявили о своем подчинении атаману Семенову. Они воевали до конца 1921 года в составе новообразованной Дальневосточной армии. Но и после ликвидации большевиками т. н. "читинской пробки", Белая борьба продолжалась в Приморье до октября 1922 года под руководством Воеводы Земской рати и Правителя Приамурского Земского Края генерала М. К. Дитерихса. Неудачи на фронте заставили начать эвакуацию и из Приморья. 1 ноября 1922 года - дата конца Белого движения.

В завершение следует упомянуть еще о походе Якутской добровольческой дружины под командованием ген. Пепеляева, и о его попытке поднять восстание в Восточной Сибири. А также о походах барона Унгерна, поставившего себе цель "восстановление законных династий во всем мире". Но эти последние очаги сопротивления были подавлены превосходящими силами Красной армии.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Почему же Белое дело потерпело поражение? И что в те осенние дни 1919 года помешало ВСЮР совершить эти "три корниловских перехода" и дойти до заветной цели - Москвы?

Советские оценки гражданской войны изобилуют утверждениями, что белые проиграли потому, что народ России сделал свой "социалистический выбор". Однако народ в подавляющем большинстве соблюдал нейтралитет и не желал гражданской войны. Большинство

обывателей плохо понимали суть политических программ и чурались политики. Воевали лишь активные меньшинства российского общества, они и принимали сторону белых или красных. Так что первейшая причина - слабость гражданского общества.

Большевики действовали двояким оружием: военной силой и динамитом идеи. В отличие от белых, красные готовы были идти на безоглядную демагогию и безоглядное насилие, использовали возможности поголовной мобилизации. Из 130 тысяч царских офицеров более 30 тысяч согласились у них служить (в том числе около 20% офицеров Генерального штаба), но по убеждениям пошли далеко не все, многие решились на сделку с совестью, чтобы их семьи не были расстреляны, а они сами перестали быть "лишенцами" и могли вернуться к своей профессии. Такими приемами за два года была набрана регулярная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в 10 раз превосходившая по численности Белую. Советские учебники о гражданской войне пытаются убедить нас в обратном. Источник "Гражданская война в СССР" (Москва, 1986, стр. № 16) утверждает, что все вооруженные силы интервентов и внутренней контрреволюции насчитывали к весне 1919 года 511 тысяч штыков и сабель, а если считать вообще всех находящихся под ружьем на территории бывшей Российской империи, то свыше миллиона. Численность РККА в указанный период оценивается в 383,3 тысячи штыков и сабель, 1697 орудий, 6561 пулемет. Но эти цифры очень лукавые! Так в "белогвардейцев" они зачисляют и Петлюру, и представителей басмачества, и т. п., которые, на самом деле, воевали и с красными, и с белыми. А в статистике красных войск вряд ли учитываются, в полном объеме, многочисленные интернациональные, повстанческие, партизанские армии, а также отряды ВЧК и вооруженные отряды коммунаров. Но дезертирство в среде мобилизованных красноармейцев было очень велико, не редки были и случаи перехода на сторону белых. Гораздо надежнее были иностранцы - так называемые "интернационалисты", попросту, иностранные наемники.

Советская историография часто обвиняет белых в том, что они были "прислужниками интервентов" (которые, кстати, в боях с красными почти не участвовали), но "скромно" умалчивает о том, что на стороне красных воевали целые армии китайцев, венгров, немцев... К лету 1920 года интернациональные части красных насчитывали от 182 до 250 тысяч. Кроме всего прочего, у красных было преимущество центральной позиции, обладание запасами царской армии и железнодорожными узлами.

Зародилось Белое движение на отрицании большевизма и ненависти к нему. Это было патриотическое движение, но не идеологическое. Белые несогласованно нападали с окраин и зависели от снабжения со стороны ненадежных союзников по Антанте. Не умели найти общий язык с национальными правительствами Польши, Финляндии, Эстонии, выступая с позиции "Единой и неделимой". Часто вожди Белого движения не проявляли достаточной твердости духа и политической дальновидности. Военные круги были беспомощны в делах гражданского управления и в политических вопросах, отсюда страх перед принятием тех или иных решений, ссылка на "непредрешенчество" - то есть решение всех вопросов в будущем - Учредительным Собранием. В белые правительства часто допускались политики с социалистическими взглядами, а то и откровенные авантюристы. В результате этого белый тыл был развращен, и до Врангеля практически нигде не было дельной гражданской администрации. В распоряжении Верховного Правителя адмирала Колчака оказался золотой запас России, но им так и не сумели толково распорядиться. Политическая программа белых была туманной, практически во всем провозглашался принцип "непредрешенчества". Что, однако, дает основание смело заявить - они никогда не были реакционерами, стремившимися во что бы то ни стало вернуть Россию во времена абсолютной монархии. Но нужно было учитывать специфику гражданской войны и понимать, что лозунги занимают в ней не последнее место. Народ, сбитый с толку всем происшедшим, занял

выжидательную позицию в отношении белых, надеясь на разрешение ими наболевших вопросов о земле, труде и т. д. Универсальное "непредрешенчество" ничего народу не говорило и не могло увлечь его на борьбу. Однако дело было даже не в этом, а в том социально-психологическом разрыве, который был унаследован от царских времен и который отделял образованные слои от простонародья. Реформы во времена царской России запоздали, но и их помешала завершить Великая война. А вслед за ней, революция в октябре окончательно расколола общество.

Крестьяне, а отчасти и казаки, воевали сами по себе, за свои местные интересы. Интеллигенция, офицеры, студенты и гимназисты воевали в Белых армиях ради ценностей Великой России. Таким образом, существовали как бы две параллельные антибольшевицкие армии, которые так и не сумели вовремя рассмотреть самого главного общего врага, и в этом трагедия гражданской войны.

Нет сомнений, что все же часть тяжести неудач Белого движения следует отнести за счет стратегических ошибок. Многие военные специалисты указывают на "Московскую директиву" Деникина, направление на Вятку-Котлас Сибирской армии и т. д. Как уже указывалось, немало зла принесла двусмысленная, не оправдавшая возлагавшихся на нее надежд политика союзников.

Возвращаясь в осенние дни 1919 года на территорию Орловской губернии, отметим, что чисто тактически захватить Москву, может быть, и не составило бы большого труда. По донесениям разведки от Орла до Тулы путь белым не преграждали сколько-нибудь серьезные силы. Но "последний рывок" кутеповского корпуса на Москву мог стать и "последним" для самого корпуса. Ведь на его флангах уже сосредотачивались мощные ударные группировки советских войск, и их нельзя было игнорировать. Для последнего удара просто не хватило наличных сил. Надо учитывать и то, что

за время этих жестоких и кровопролитных боев резко возросли потери, особенно в добровольческих частях. В ходе сражений выбивались самые стойкие, идейные и умелые офицеры. Это заставляло командование "цветных" частей все в прогрессирующей степени прибегать к мобилизациям, а часто, прямо в боевой обстановке, пополняться только что взятыми в плен красноармейцами. Это, несомненно, снижало боевой потенциал Добровольческой армии, и в октябре 1919 года, конечно, это были уже не те, воедино сцементированные идей, ударные полки профессиональных военных. В тылу формировались многочисленные новые полки и дивизии, но на фронт пополнения приходили с большим опозданием и немедленно шли в бой. В первых же сражениях подобные "подкрепления" зачастую сразу сдавались в плен или дезертировали. Главная причина - нежелание мобилизованных и военнопленных, а именно они составляли основную часть новых пополнений, воевать вообще и уходить далеко от родных мест вместе с отступающими белыми войсками, т. к. эта служба не воспринималась ими как "долг перед Родиной". Ведь гражданская война - это не борьба против внешнего врага, а как бы "внутренний спор" русских. Прифронтовые мобилизации в гражданской войне оказывались эффективными, когда армия наступала и одерживала победы, но этот благоприятный момент был командованием ВСЮР безвозвратно упущен.

Не последнюю роль в провале "похода на Москву" сыграли и разногласия в Белом стане. К тому времени набирал силу казачий сепаратизм, и казаки массами дезертировали.

Немало помог красным и рейд Махно по тылам ВСЮР. Командованию пришлось в спешном порядке перебрасывать с фронта несколько полков для разгрома "махновщины", причем в кульминационный момент, когда на счету был каждый штык. Как "отблагодарила" за эту помощь батьку Махно Советская власть, мы все хорошо знаем...

Еще одна причина неудачи - отсутствие прочного тыла. В гражданском управлении царили хаос и неопределенность. Вместо ожидаемой стабильности и порядка население юга России видело ту же разруху, что и при других режимах (только на Украине их сменилось около 10), и не испытывало больших симпатий к Белой власти.

Безусловно, все вышеперечисленные изъяны могли быть ликвидированы при большей устойчивости фронта и больших сроках существования Белой власти, но быстротечный характер гражданской войны внес свои коррективы...

Увы! "Последний довод королей" остался за большевиками.

Приложения:

1. [Список советских работников города Ливны.](#)
2. [Список использованной литературы.](#)
3. [Краткие биографические данные основных действующих лиц.](#)

Альманах "Белая Гвардия" ("БГ") №6. Москва. Некоммерческое Партнёрство "Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев", 2002. К. Л. Таратухин "Крестьянское восстание в Ливенском уезде Орловской губернии в августе 1918 г. (Вооружённый захват власти большевиками в Ливенском уезде (зима 1917-1918 г.))", стр. № 127-131.

Альманах Ливенского краеведческого музея "На берегах Быстрой Сосны" № 15. Ливны, 2003г. Комитет по культуре и искусству администрации г. Ливны. Константин Таратухин "Установление советской власти в Ливнах и крестьянское восстание в августе 1918 г."

Юрий Бондарев "Летопись города Ливны". Глава "Установление Советской власти в Ливнах". Ливны, 2007, страница № 70.

С. Волков "Ливны". Орловское книжное издательство 1959, стр. №35.

Ф. В. Ковалёв "Ливны". Историко-краеведческий очерк. Тула. Приокское книжное издательство 1980 (далее - 1-е издание, прим. К. Т.), стр. 61 или Фёдор Ковалёв "Ливны". 2-е издание, переработанное и дополненное. Ливенский городской исполнительный комитет Совета народных депутатов. Тула. Приокское книжное издательство 1991 (далее - 2-е издание, прим. К. Т.), стр. № 102.

Цитата документа по: Г. Рыжкин "Ливенские были". Орёл. Издательство Орловской Государственной Телерадиовещательной компании 1997, стр. №124.

Фёдор Ковалёв "Ливны". 2-е издание, стр. №106.

Г. Рыжкин. Указанное сочинение, стр. № 125.

Цитата документа по: С. Волков. Указ. сочин., стр. №35-36.

Там же.

С. Волков. Указ. сочин., стр. № 36.

Юрий Бондарев. "Летопись города Ливны", страница №75.

Газета "Брянский рабочий" (Бежица), № 80, 17 декабря 1917 года.

Д. П. Селитренников "Мятеж в Ливнах". Из истории становления Советской власти и большевистской организации в Орловском крае. Тула. Приокское книжное издательство, 1989.

Ф. В. Ковалёв "Ливны". 1-е издание, стр. № 64-65.

Очевидно автор ошибается. По имеющимся в моём распоряжении сведениям Денисов имел профессию столяра.

Альманах Ливенского краеведческого музея "Наше наследие". Выпуск № 2. Комитет по культуре и искусству администрации г. Ливны, 1999 г. Геннадий Рыжкин "Хранитель времени", стр. № 8.

Ю. Бондарев. Указанное сочинение, страница №78.

Альманах "БГ" № 6, О. Л. Якубсон "Память о мёртвых необходима живым", стр. № 132 или альм. Лив. кр. музея "На берегах Быстрой Сосны" № 12, одноимённая статья того же автора, стр. № 37.

Геннадий Рыжкин "Ливенские дали". Орёл. Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 2000, стр. № 217-218.

См. примечание 1.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №9.

Там же.

Г. Рыжкин "Ливенские были", стр. № 127.

Там же.

Там же.

Подробнее читайте "БГ" № 6. К. Л. Таратухин. Указ. сочин.

Государственный архив Орловской области (ГАОО), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 48, л. 78, 168; "Известия Советов", 1918, 1 и 24 авг., 17 сент.; "Свободный пахарь", 1918, 23 окт., 28 ноября.

Газета "Знамя Ленина" № 68 (5862), от 28 апреля 1967 года. Орган Ливенского городского комитета КПСС, районного и городского Советов депутатов трудящихся. Статья В. Бахтина "Годы борьбы и труда".

Речь идёт о бывшем матросе Д. Д. Прикашикове-Октябрьском. В различных источниках эта фамилия имеет различное написание - и Приказчиков, и Приказщиков и как в начале. Так что различное написание, это не ошибка автора.

Цитата по: Г. В. Рыжкин "Страницы ливенской жизни". Орёл. Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1996, стр. № 13.

Это видно из воспоминаний участника тех событий М. Автомонова (член РКП (б) с 1919 г.), опубликованных в газете "Знамя Ленина" №98 (4195) от 18 августа 1957 г.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №31.

Там же, стр. №29.

С. Волков. Указ. сочин., стр. № 39.

Юрий Бондарев. Указ. сочин., стр. №91.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №31.

Там же, стр. №50

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание, стр. №115.

Газета "Знамя Ленина" №96 (5890) от 18июня 1967 г. Статья И. Шестопалова "Под красным знаменем революции".

Там же.

Г. В. Рыжкин "Страницы ливенской жизни", стр. № 15-16.

А. С. Коновалов "Времён связующая нить". Калуга. Издательство Н. Ф. Бочкарёвой. 2005, стр. № 139.

Подробнее читайте "БГ" №6, К. Л. Таратухин. Указ. сочин.

Альманах "На берегах Быстрой Сосны" №12. О. Л. Якубсон. "Память о мёртвых необходима живым", стр. № 38 или "БГ" №6, одноимённая статья того же автора.

"ЗЛ" № 96 (5890) от 18 июня 1967 г. И. Шестопалов "Под красным знаменем революции".

Ф. В. Ковалёв "Ливны", 1-е издание, стр. № 73.

ГА РФ. Ф. 393. Оп.1. Д. 120. Л. 34а.; "Известия ВЦИК". 13 сентября 1918 года.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 50, стр. №160.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. № 102.

Газеты "Известия Советов", 1918, 17 сент.; "Свободный пахарь", 1918, 16 ноября.

Геннадий Рыжкин "Ливенские дали", стр. №218.

Д. П. Селитренников. Указ сочин., стр. №36 и 51.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. № 103.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. № 37.

Там же, стр. № 38.

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание, стр. № 120.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. № 104-105.

ГАОО, ф.229, оп. 1, ед. хр. 9, л. 223.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №41.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. №107.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №42.

Там же, стр. №46.

Борис Пылин "Первые четырнадцать лет 1906-1920". Калифорния. 1972. Стр. № 47.

Там же, стр. № 48.

"Советская историческая энциклопедия". Издательство "Советская энциклопедия". Москва. 1965, том № 6, стр. № 67.

Данные приводятся по книге: "Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года". Орёл - 1989, стр. №11. Ссылка на: "Гражданская война в СССР". Том 2, стр. № 162: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922), т. 4, с. 488.

Общественно-политический журнал "Посев" № 11 (1466), ноябрь 1999 года, статья Василия Цветкова "Уроки упущенных побед. (К восьмидесятилетию похода на Москву 1919 года)".

Стоит отметить, что на различных этапах гражданской войны возникали различные "самостийные" и "областнические" армии борющиеся против большевиков, но к Белому движению, имевшие, весьма косвенное отношение. Или скажем такие формирования как Астраханская армия во главе с полковником кн. Тундатовым или Южная армия, возглавлявшаяся Акацатовым, существовала ещё совсем малочисленная Саратовская армия, официально называвшаяся "Русская Народная Армия" - эти формирования лишь вносили раскол в Белое движение и дискредитировали его, действуя исключительно в своих интересах. Эти армии мы рассматривать и учитывать не будем.

С. Волков "Ливны", стр. № 42.

Ф. В. Ковалёв "Ливны", 1-е издание. Глава "По зову сердца", стр. № 73-76.

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание. Одноимённая глава, стр. № 121-130.

Читайте хотя бы Г. Рыжкин "Ливенские были". Главы "Буря" и "Красные и белые", стр. №123-133.

Альманах "На берегах Быстрой Сосны" №5, 2000 г., Р. Абинякин "Поход на Москву: Добровольческая армия на ливенском направлении в 1919 г.", стр. №104-110.

Альманах "На берегах Быстрой Сосны" № 7, 2000 г., Руслан Гагкуев "Город Ливны в ходе наступления Вооружённых Сил Юга России.", стр. №40-51.

Читайте хотя бы книгу "Марков и марковцы" из серии "Белые войны", Москва. "Посев", 2001.

"На берегах Быстрой Сосны" № 5, стр. №106.

Г. Рыжкин "Ливенские были", стр. №131.

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание, стр. №126.

Рыжкин. Там же. Ковалёв. Там же, стр. № 125.

"Свободный пахарь", 24 июля 1919 года.

Орджоникидзе Г. К. "Статьи и речи". Москва, 1956, том 1, стр. №101.

Цитата письма по: Г. Рыжкин "Ливенские были", стр. №132.

То же.

Д. П. Селитренников. Указ. сочин., стр. №40.

Ф. В. Ковалёв "Ливны", 1-е издание, стр. №74.

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание, стр. № 126.

В. И. Самаркин "Разгром Деникина под Орлом". Приокское книжное издательство - 1969, стр. №28.

Там же, стр. №27.

Газета "Свободный пахарь", 20 сентября 1919года.

"Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года". Орёл - 1989, стр. №39. Ссылка на ЦГАСА, ф. 198, оп. 4, д. 91, л. 4.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. №119-120, или "ЗЛ" № 104 (5896) от 2 июля 1967 г., статья С. Красникова "Отпор деникинцам".

"Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года". Орёл - 1989, стр. №9.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. № 120.

Фёдор Ковалёв "Ливны" 2-е издание, стр. № 127.

В. И. Самаркин. Указ. сочин., стр. №12.

"Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года". Орёл - 1989, стр. № 40.

В. И. Самаркин. Указ. сочин., стр. № 13.

Цитата по: "На берегах Быстрой Сосны" № 5. Р. Абинякин, указ. сочин., стр. № 105.

Там же, стр. №106.

Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия в описываемый период времени находилась в стадии формирования и как самостоятельная боевая единица, практически, не существовала. Марковские полки, батальоны и команды были розданы различным тактическим соединениям или ещё только формировались.

"Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года". Орёл - 1989, стр. № 27.

"Марков и марковцы". Москва. "Посев". 2001, стр. №268-269.

Там же.

Там же, стр. № 270.

Там же, стр. № 269.

Там же, стр. № 270.

Б. Пылин. Указ. сочинение, стр. № 50.

О дальнейшей судьбе ротмистра Брусилова нам мало известно. Фёдор Ковалёв уверяет, что "командир эскадрона" А. А. Брусилов, будучи захваченным белыми в плен "после долгих издевательств" был расстрелян: "Это была месть его отцу за отказ примкнуть к белому движению..." (2-е издание, стр. №128.). Примерно такой же версии придерживается и Г. Рыжкин ("Ливенские были", стр. № 133.). Но подтверждений этому авторы не приводят.

"Марков и марковцы". Москва, "Посев". 2001, стр. № 270-271.

Там же, стр. № 275.

Г. Рыжкин "Ливенские были", стр. № 133.

Б. Пылин. Указанное сочинение, стр. № 50.

А. С. Коновалов. Указанное сочинение, стр. №141.

"Марков и марковцы". Москва, "Посев". 2001, стр. № 276-277.

Ф. В. Ковалёв "Ливны", 1-е издание, стр. № 74-75.

Фёдор Ковалёв "Ливны", 2-е издание, стр. № 128.

Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Основана в 1933 году М. Горьким. Выпуск 8 (604). С. Семанов "Брусилов". Москва. "Молодая гвардия".. 1980, стр. № 296.

Г. Рыжкин "Ливенские были", стр. №133.

Павлов В. Е. "Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг., 1962; Т. 2. (Книга вторая: Наступление на Москву. Отступление. Крымская эпопея. Уход за пределы Родины), Париж: (Б. и.), 1964, стр. № 112. Цитата по: "На берегах Быстрой Сосны" № 7. Статья Руслана Гагкуева.

С. Г. Пушкарёв "Воспоминания историка 1905-1945". Библиотечка россневедения. Выпуск № 3. Москва. "Посев". 1999, стр. № 75.

"На берегах Быстрой Сосны" № 5, стр. № 106-107. Автор ссылается на: "Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг). Сборник документов и материалов. Сост. В. И. Фефелов и др. Под ред. Г. М. Михалева и др. Орёл, 1963.

Борис Пылин. "Первые четырнадцать лет 1906-1920" Калифорния 1972, стр. № 50-53.

Там же, стр. № 58.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. №123.

Смотрите приложение № 1.

Александр Трушнович "Воспоминания корниловца 1914-1934". "Посев". Москва-Франкфурт. 2004, стр. № 106-107.

"Марков и марковцы". Москва. "Посев". 2001, стр. № 278.

В. Ж. Цветков "Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооружённых Сил Юга России, Русской армии)". Книга 1. Москва. "Посев". 2000, стр. № 28.

Там же, стр. № 117.

"Марков и марковцы", см. диаграммы на стр. № 447.

В. И. Самаркин. Указ. сочин., стр. № 20.

В какой газете и почему отмечена фамилия именно капитана Коломацкого, совершенно непонятно. На момент взятия Ливен, он был начальником достаточно низкого уровня (командир команды пеших разведчиков), упоминаний о каких-то особых заслугах я тоже не нашёл.

"Марков и марковцы", стр. № 278-279.

"История гражданской войны в СССР". Госполитиздат. 1957, том 4, стр. №267.

"Разгром деникинцев под Орлом и Кромами...", стр. № 80.

Ф. Попов. Указ. сочин., стр. №32.

"Разгром деникинцев...", стр. № 34.

ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 241, лл. 127-140.

Там же.

"Разгром деникинцев...", стр. № 70. Ссылка на: Историю латышских стрелков.

"На берегах Быстрой Сосны" № 5. Р. Абинякин. Указ. статья, стр. №108.

"Марков и марковцы". Москва. "Посев". 2001, стр. № 294-295.

Там же.

Виктор Ларионов "Последние юнкера". Москва.. Издательство имени Святителя Игнатия Ставропольского. 1997, стр. №166-167.

"Марков и марковцы", стр. № 295-303..

Следует заметить, что в разных источниках даты разные: Павлов пишет, что "20 октября (2 ноября) красные взяли Ливны" ("Марков и марковцы", стр. № 298). В. Ж. Цветков пишет, что "3 ноября марковцы оставили Ливны..." ("Посев" № 11 за 1999 г., стр. №41), этого же мнения придерживается и Абинякин ("На берегах Быстрой Сосны" № 5, стр. № 109). А в книге "Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года" в разделе "Хроника событий", на странице № 89, написано, что дата "освобождения" Ливен - 4 ноября, именно этой даты придерживаются так же местные краеведы Ковалёв и Рыжкин.

"Марков и марковцы", стр. № 299.

Выступление происходило 25 ноября 2001 года, показ по телеканалу был день или два спустя.

Б. Пылин. "Первые четырнадцать лет: 1906-1920. - Калифорния, 1972, стр. №59.

Газета "Знамя Ленина" № 132 (5926) от 19 августа 1967 г. Статья Владимира Балашова из г. Петровск-Забайкальский "Удар по деникинцам под Ливнами".

"На берегах Быстрой Сосны" № 7, статья Руслана Гагкуева, стр. № 51.

Ю. Бондарев. Указ. сочин., стр. № 126.

Там же, стр. № 128.

Геннадий Рыжкин "Ливенские дали", стр. № 219.